

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»: НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК.

ЭКСПЕДИЦИЯ „СМЕНЫ“ НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

Участники экспедиции: писатели и поэты, очеркисты и фоторепортеры.
Маршрут: Западная Сибирь.

Время действия: лето 1972 года.

Маршрут традиционен для «Смены». Самолдор и Надым, Сургут и Стрежевой, Тюмень и Тарко-Сале, очерки и проблемные статьи, репортажи и беседы со знающими людьми — эти адреса привычны читателям и авторам журнала, эти публикации редакция считает самыми важными в своей работе.

В этом краю, не остывая ни днем, ни ночью, ни в летний зной, ни в январские холода, идет гигантская работа. Работа для пятилетки.

Работа для будущего.

Тысячи километров прошла наша новая экспедиция по тюменской земле. Разведчикам и промысловикам, бурильщикам и строителям, ученым и бульдозеристам, рабочим и летчикам —

тем, кто начинал, тем, кто продолжает обживать эту землю, тем, кто будет продолжать освоение богатейших недр Западной Сибири, — посвящается этот номер.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 19 [1089]

ОКТАБРЬ
1972

**И Ш А О Б Л О Ж К А:
ТОМЬ — О Г Р О М Н А Я
С Т Р О И Т Е Л Ь Н А Я П Л О -
Щ А Д К А.**

Фото
Альберта ЛЕХМУСА,
Мирoslava МУРАЗОВА,
Владимира ЧЕРШВИЛИ

5

**УРЕНГОЙ: НОЧЬ ИЗ
ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКОВ.**

12

**ДОРОГИ ТОМОНИ: МЫСЛИ
СПОРНЫЕ И БЕСПОРНЫЕ.**

22

**ПОЭМА ВАДИМА ПОЛЮНА
«ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ
СУШИ».**

28

**ГОРНОПРАВДИНСК:
МЫ ОБЖИВАЕМ ЗЕМЛЮ.**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**ГАРИЙ НЕМЧЕНКО.
«ЭТОТЫ О МОИХ УЧИТЕЛЯХ».**

**15 ЛЕТ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ.
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕТЧЫ**

**РЕПОРТАЖ
ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО**

СИЛУЭТЫ: ВАСИЛИИ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лыганов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победнососов, Р. И. Ромодановский, Е. И. Рыбинков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Тонашевский, В. Е. Тонашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкин

Комсомольцы и молодые рабочие, осваивающие Самотворское нефтяное месторождение, провели комсомольское собрание.

Повестка дня: обсуждение постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О порядке подведения итогов Всесоюзного социалистического соревнования в ознаменование 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик и о мерах поощрения победителей в этом соревновании».

ОБЖИВАЕМ

Правильно, ничего еще в истории освоения Сибири не призывало так и ней всеобщее внимание и не поднимало так а глаза людей престиж добывания, как томенская нефть. Сказанные богатства нашей земли поражают воображение даже специалистов-нефтяников, а развешивавшая в тайге, среди непроходимых болот битва за нефть вызывает чувство глубокого уважения к людям — бойцам трудового фронта. Когда-то Владимир Ильич Ленин писал: «... кто вогу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необятные пространства, на которых уместались бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит натурализация, но людность и самая настоящая дикость». Это был край традиционных промыслов: пушнина, рыболовство, охота, оленеводство — и вдруг: нефть и газ! Там, где ни городов, ни электростанций, ни дорог. Через десять — пятнадцать лет предположительно довести добычу нефти в Тюменской области до 400—500 миллионов тонн в год, а газа — до 300 и более миллиардов кубометров. Трудно даже мысленно охватить эту задачу — по сложности и специфичности проблем, по размаху строительства она не имеет себе равных ни у нас, ни во всем мире.

Прошло восемь лет с тех пор, как на карте нашей области появились два комсомольских авиачка — два Всесоюзные ударные комсомольские стройки: газопровод Иргам — Серов и нефтепровод Шаим — Тюмень. С тех пор все эти годы почти приносила письма — добровольцы осваивали обком комсомола: «Хотим работать на стройке... Пришлите комсомольские путевки...» Руками этих ребят протоптаны тысячи километров нефтепроводов и газопроводов, высоковольтных линий электротранспорта. Никогда еще ни одно сооружение не «перешагнуло» Обь в средние течения, а комсомольцы мехколхозника № 14, руководимый лауреатом премии Тюменского комсомола Игорем Кирьяком, смонтировали на левых берегах реки две уникальные башенные опоры по 188 метров высотой, подняли их в небо и перебросили энергетический мост через Обь. Электростанция Большой Зельи потекла на промышленлы Сургуты и Мегнона.

Или вот протаска железной дороги Тюмень — Сургут. Столь дерзкого и сложного проекта еще не было в истории транспортного строительства! Гибнут в топяных машинах, борта уносятся километры готовой насыпи, но строители упрямо идут вперед. Им предстоит преодолеть Большую Обь — велел за «любовными» и строительными подводами трубопровода перемахнуть на другой берег... А в самом Сургуте не менее интересная, не менее увлекательная стройка — Сургутская ГЭС.

Если же самолет возьмет курс на север, то скоро тайга сменится бескрайней тундрой; трудно представить, что под этой землей скрываются несметные запасы природного газа — здесь, в районе Надыма, еще один комсомольский адрес. Осенью 1969 года сюда прибыл первый отряд строителей комсомоло-молодежного треста «Севергазстрой». За печками у ребят уже был носок Советск, а впереди им построить ни много ни мало — город на 20 тысяч человек, центр нового района газодобывающей промышленности на Крайнем Севере. Это один из самых трудных и ответственных задач: построить город Надым, обустроить Медвежье месторождение, проложить трубы с Ямала на Урал и в Центр...

ЛЕТОПИСЬ ВСЕСОЮЗНОЙ УДАРНОЙ

Она началась задолго до того, как решением ЦК ВЛКСМ комплекс нефтяных и газовых месторождений объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

1951 ГОД. 27 ИЮНЯ. «Ханты-Мансийский окружной ВЛКСМ постановляет: учитывать большую государственную важность работ производных Ханты-Мансийской геофизической партии, посылать дополнительную группу в эту партию 30 комсомольцев». Это были первые комсомольцы, получившие путевки на будущую ударную.

Голос Самотлора, Всесоюзной ударной комсомольской стройки:

«Мы обращаемся к комсомольцам, ко всем юношам и девушкам ударных комсомольских строек развернуть боевое комсомольское соревнование за достижение высокой производительности труда на каждом рабочем месте, в каждой бригаде, на каждом участке, за безусловное выполнение установленных планов и принятых социалистических обязательств по досрочному вводу строительных объектов и освоению производственных мощностей, за право быть в числе коллективов, награжденных

юбилейным Почетным знаком. Для каждого из нас должно стать законом слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о том, что нынешний пятилетний план составлен с учетом того, что все мы сегодня и завтра будем работать лучше, чем работали вчера».

Бюро ВЛКСМ одобрило инициативу комсомольцев и молодежи Всесоюзной ударной комсомольской стройки — нефтегазодобывающего управления имени В. И. Ленина «Ижневартовскинефть» и управления буровых работ № 1 на освоении Самотлорского нефтяного месторождения.

Валерий ГОРЧАКОВ, первый секретарь Тюменского обкома ВЛКСМ

Говоря о нефтяной Сибири, нельзя, конечно, не назвать Самотлора. Три-четыре года назад это была безлюдная местность, пугающая человека своей дикостью; здесь еще не было ни дорог, ни прочной инфраструктуры. Человек лицом к лицу столкнулся с суровой природой. Да, он сегодня вооружен могучей техникой, но еще не настолько вооружен, чтобы мог не считаться со своим сильным «противником» — непроходимыми болотами, гигантскими сибирскими расстояниями, коварными реками, таежными гусем и комарем, морозом, достигшим пятидесяти градусов.

Техника весной бессильна против оттаившей грязи — работать людям приходится в основном тогда, когда крепкие морозы ступают землю. На пути встанут болота, которые зимой и вовсе не замерзают. А летом зной, духота. Люди не знают от густа покоя, перья напариваются. Но каждый способен выдержать такую жизнь. Не каждый способен работать в каком-нибудь затерянном в тайге поселке, куда, как пишет в песне, «...только самолетом можно добраться».

Как-то я был в Надьме, мороз был невыносимым, да еще ветер со снегом. Мы шли мимо работчих из комсомольско-молодежного СМУ-3, когда впереди нас ребята оказались в снегу, вытаскивали за веревки, как будто забетонированные трубы — они укладывали тогда трубопровод Надьм — Пунга. Это лишь штрих, таких на памяти у

тех, кто живет и работает в Сибири, немало. Борьба с природой безусловно накладывает на людей какою-то особый отпечаток — то, что художники подчеркивают в «суровом профиле» и в «жестких складках у губ». Однако, если откинуть штампованное представление о одних людях — романтизированную их «суровость», — а взглянуть на них непредвзято и искренне, то, вне всякого сомнения, это люди выносливые, привыкшие к трудности, но не свыкшиеся с ними, не прехотавшие, но не оттого, что беден их внутренний мир. Люди умелые, изобретательные в своем единоробстве с природой.

К нам в область ежегодно приезжает примерно до 5 миллионов тысяч молодых людей, в руках у которых комсомольские путевки. Почему, какие побуждения заставляют людей сниматься с места, как они относятся к этому? Вначале — от встреч убеждает нас в чем. Мне кажется, в потоке добровольцев, отравляющихся яичне в Сибирь, заметно уменьшилась доля романтиков, настроенных юнцов в кедах и с туристским рюкзаком за спиной, которые приезают «что-то там строить», а увеличилась доля людей не менее патристических настроенных, но с практическим складом ума, людей трезво смотрящих на жизнь. Моряк-пограничник А. Белов, к примеру, считает: «...на стройках Тюменской области — это романтики, а в основном — специалисты, маляра-штукатур, газозащелочники... Это очень хорошо, ведь у многих из нас нет пока никакой профессии...».

Но я думаю, что особенно важная практическая цель, но как она соотносится с большими целями, которые ставят перед собою общество, — это умение, особенно важно то, что молодые строители

имеют здесь возможность повысить свое образование» (А. Мохнатов). А Федор Гитанков сказал откровенно: «Я приехал сюда на 2—3 года. Паробатка. Заработать. Да!».

«Я не вижу греха в этой «практичности» молодежи. Люди хотят обрести почву под ногами — получить крепкую профессию, набраться опыта, знания, страсть к образованию, я бы сказал, всеобщий — и, конечно, материально обеспечить свои потребности. Если говорить об образе этих людей, то вовсе не обязательно рисовать себе карикатурную фигуру врача, гонимого по свету жаждой «длинного рубля». Нет, это люди нашего времени, склонные к рациональному взгляду на жизнь, трезвому и деловому расчету, и это ни в малой степени не уменьшает их внутренней идейной зрелости».

Наверное, самое живое производственная потребность определяет сегодняшний облик человека, осваивающего Сибирь и Север. В нем, действительно, намного больше практических, деловых качеств, умелости, заводской организованности к трудностям — и меньше кавалерийского, лихого налета. Эффектного, но бесполезного.

И здесь уместно сказать о так называемой «романтике трудности» — она становится ненужным, искусственным довеском к новому образу человека, осваивающего Сибирь. Единжды у нас на слухе строителей дорота Тюмень — Сургут как бы развернулся дискуссия между приверженцами этой самой «романтики» и трезво мыслящими людьми, реалистами. Одна из живейших, руководителей коллектива строителей, отдавая дань самоотверженному труду молодежи, в высказывании выражающих гордость за трубку так: «...это энтузиасты своего дела. Они смело берутся

за все трудное. Большие дела молодежи делает и в нашем тресте. Это она первой пришла в таежную глухоту, в Ямал и палатках, землянках, преодолевая трудности, она показывает образцы высокопроизводительного труда, в непроходимых местах строит добротные дороги... Классический стиль. За таким вот набором штампов идет обычно обиход на нескольких фамилиях «для примера». И руководитель, о котором речь, тоже привнес несколько энтузиастов, которые в глухомани, жила в землянках, показывал «образцы высокопроизводительного труда».

А потом выступил мастер-строитель. Как различно отличалось все, что говорил он, от выступлений, возглавляющих хвалу энтузиастам. «На первый взгляд кажется, — говорил мастер, — что техническое оснащение строительного-монтажного поезда сравнительно богатое, но что это за техника! Кучи металлолома! Наши машины проработали семь лет на Абакан — Тайшет и четыре года работают здесь. В редкий день наши краны полностью отработают сезон. Обычно стоят на приколе, на ремонте...»

Мастер говорил о том, что бесхозяйственность — это то, что человек уже не может воспринимать спокойно. Неорганизованность, расхлябанность, всякая строительная неразбериха, выпадают у людей сегодня острое чувство неприятия. «Когда же у нас будет», — говорил мастер, — подходить к делу творчески и грамотно? Когда же мы почувствуем ответственность за наши названия района, кучи и нужно государству, почувствуем не из газетных статей, а на деле?».

И взор этого молодого человека был все время обращен к предельному оратору, расхваливавшему молодежь. А заключил мастер так:

1953 ГОД. 21 СЕНТЯБРЯ. Телеграмма из Березова. «Сронца, Тюмень. Нефтегазовое. Выброс при падении инструмента. Давление на улице — 75 атмосфер».

«Это первая вещь по первым в Сибири газовом фонтане».

1962 ГОД. Получен первый фонтан «голубого огня» на Крайнем Севере страны. Месторождение присвоено имя Сталина».

4 ДЕКАБРЯ 1963 ГОДА. Совет Министров СССР постановил начать в 1964—1965 годах пробную эксплуатацию скважины месторождения нефти и газа и назван цифрой добычи в 1964 году три миллиона тонн. В 1965 году — в 1970 году — десять миллионов тонн нефти».

«Знапите эти цифры. Каждый из них будет в своем календаре».

3 ФЕВРАЛЯ 1964 ГОДА. Начато строительство газопровода Инга — Пунга.

6 ФЕВРАЛЯ. В пленум Ханти-Мансийского окружного КПСС рекомендует окружной комсомоль-

ской организации взять шефство над строительством нефтепромыслов, трубопроводов, рабочих поселков и дорог; править работу по мобилизации молодежи на стройки и предприятия нефтяной, газовой и лесной промышленности».

На первом в Тюменской области сформулирована программа участия комсомольцев и молодежи в ударной строительной кампании».

7 МАРТА. Принято решение о подготовке и строительстве трубопроводов Шаня — Тюмень и Усть-Балык — Сургут».

12 АПРЕЛЯ. Газопровод Иргин — Серов и нефтепровод Шаня — Тюмень объявлены Всесоюзными ударными объектами».

26 МАЯ. Пятьдесят тысяч тонн нефти, полученной на Усть-Балыком месторождении, барной отпращены в Омск. Первый рудец из Омска — нефть, вывезенная из Омска и первая баржа из Мегнома. Промышленная эксплуатация началась».

11 ИЮЛЯ. Через полтора месяца с начала эксплуатации Шансий промысел выполнен годовой план добычи нефти».

12 ФЕВРАЛЯ 1965 ГОДА. ЦК ВЛКСМ объявил комплекс освоения нефтяных и газовых месторождений Тюменской области Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

26 МАРТА. Ночью получен первый газовый фонтан на Новопортском скважине на Ямальском полуострове».

12 АПРЕЛЯ. Открыто Мамонтовское месторождение».

17 АПРЕЛЯ. Государственная экспертная комиссия одобрила проектное задание на строительство нефтепровода Тюмень — Сургут — Березовск — Сургут. Ее длина — 710 километров. Соорудить дорогу будут прославленный коллектив «Ижневартовскинефть» и Заводской Самотлора. Имя Абакан — Тайшет».

1 АВГУСТА. В Тюмени начал свою деятельность штаб ЦК ВЛКСМ на Всесоюзной ударной комсомольской стройке».

БЕЛЫЕ НОЧИ

ПРОЛОГ

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНА (1966 год)

«Уренгой давно привлекал внимание управления. Зимой 1966 года, вызвав в Тюмень И. Я. Гирю, я распустил ему о намерении перебазировать экспедицию из Нарьян-Мар в Уренгой, медленно и в полном составе, — писал начальник Главного тюменского производственного отдела Ленина геологического управления Юрий Георгиевич Зрвье. — Гиря сразу же согласился. Тогда я предложил ему начать работу сейчас же. Выбросить в Уренгой десантную группу. Перебросить вертолетами МИ-6 из Тарно-Сале одну из только что законченных буровых установок БУ-50. Быстро построить и пробурить скважину на Уренгойской аномалии...»

Нарьянцы с первой задачей справились превосходно. Скважину Р-2 закончили в южной оконечности Уренгойской аномалии. Пробурила ее бригада опытного мастера Полутина со значительным ускорением. На глубине 1 148 метров был встречен газоносный пласт. В июне получен фронт газа мощностью, по замерам, в пять миллионов кубометров в сутки...»

1. БУРИЛЬЩИК

«Мария, Мария, Мария, Мария...»
Он перевернулся на другой бок и спрятал голову под подушку.

«Мария, Мария, Мария, Мария...»
Нигде от этой песни не деться.
Вахта — от нуля до восьми. Дело шло к полуночи. Анищенко решительно натянул сапоги и стал сражаться с окаменевшей курткой; глинистого раствора в ней больше, чем ваты.

Без пяти двенадцать. Пора.
На отшибе, ближе к буровой, покосившись, уставившись мутным стеклянным глазом в основном вышки, стоял бригадирский бункер. Продолжая диаграммами и что-то быстро писал.
Ай да Федя.

— Как дела? — спросил он у Салова, принимая вахту. Салова Анищенко уважал: бурильщик каких мало. Про себя он тоже не думал плохо, но Салов — это Салов. Чужак только: в Газ-Сале лет десять отмотал да вдруг укатил на Кубань. А через год вернулся.

— Бурили мало, Саня. Долото меняли.
— С этими вахтами «через восемь» голова кругом идет, ага. Вчера твои спать не давали, сегодня — сон.

Бурильщиков только двое — Анищенко да Салов, а вахта — три.
— Закончишь спуск — тут свечей пятнадцать осталось, пойдешь с отбором керна.

— Веселого мало, ага... Слушай, а почему ты с Кубани уехал? Огурцы, поди, каждый день ел...
— Жарко там.

— Разве холод лучше!
— От холода спрятаться можно — к дизелям на минуту забрался, кружку чая горячего выпил...
— Берешься, по местам! — вдруг закричал Анищенко. — Дед, на подстрельные! Пошли!

Пошли. Застучали сапоги по трапам, подаль полой, самодовольный гоним дизель, сириниче полыхнул вверх элеватор. Анищенко на пульте. Рычаг вправо, рычаг влево, назад, стоп! Не зевай, верховой! Верховой подхватывает свечу, правой ее

МИРНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ.

«ЕЩЕ НЕМНОГО, ЕЩЕ!..»

УРЕНГОВ, 14 ИЮНЯ 1972 ГОДА.

ВЕРТОЛЕТ ЛЕТИТ НА БУРОВУЮ.

ВОТ МЫ И ДОМА.

в ворота, в левой хлоп — и ворота на замке. Лахо. Теперь немного поднять так, резьбу совместили, эй! Вот так. Включая автоматической ключ, внимание. Витя, помоги! Нормально. Все, пошла колонна вина, пошла. Осторожно, сейчас хлестнет! Раствор пещет из горла трубы метров с четырех. Ветер, конечно, справа. Все — на пулт, всё — на бурльщца. Эх, Мария, Мария... Да нет, другим тоже хватило. И не уклонится, не прикрыться — руки заняты, так за шиворот протекло, хуже уже не будет, нормально, давай следующую. Элеватор вверх, свечу правой в воротах, левой замок — хлоп! Ну, молодцы! Следующую! Пошли!

Подстрельник опустел.

— Кинья долот, грунтоносу готовь! Теперь спокойнее. Прошлими пять-шесть метров, вытацим грунтоносу, поглядим, что за пласты там такие... Но это еще не скоро. С четырехшарошковой проходи не дашь, полвахты уйдет на пять метров.

Зато можно навестить Федю.

Бригада работала одновременно две скважины. Бригадир, буровой мастер Глебов, сидел на 83-й, а здесь, на 25-й, оставил старшину своего ломошника, Федю. Глебова Анищенко знал давно, еще по Березову. А Федя появился года три назад — сначала на практику приехал, был в вахте Анищенко и рабочим, и верховым, и помбуром: Сиромый был паренек...

Федя по-прежнему сидел за диаграммами. Было начало третьего.

— Ты почему не спишь? — строго спросил Анищенко. Он был ужасно изобретателен. Если бы Федя спал, Анищенко непременно спросил бы: «Ты почему спишь?»

— Фудбол пытаюсь помять, сегодня наши с Венгрии играли...

Ай да Федя. Темнишь.

— Ну и как?

— Непрохождение волн, помехи... Кому-то заблели гол, а кому, не понял. Как у тебя?

— Нормально. Закончили спуск инструмента. Сегодня я с словоской вахтой. Сильные у него ребята, приятно работать...

— У тебя тоже ничего надри.

— Я уж и забыл, когда с ними работал. Каждый день «через восемь» — запутешься. Глебов до такого не доводил...

— Завтра будет борт с базы, третий бурильщик прилетит.

— Слушай, какой ты хозяин, ага? Человек в гости к тебе пришел, а ты и чаю не предложил. Вот

и Глебову когда ни зайди, он тебе и чай на стол и еще кое-что...

— Будет тебе кое-что,— ирочно пообещал Федя. Но он поставил Глебову, не жалея! У Глебова...

— Ладно, Саня. Никола Дмитриевича Глебова я очень уважаю, но...
— Гого июль!
— Федя промолчал.

«И меня я к нему пристал!— сокрушался Анисченко, шагая к вышке.— Толковый парень, старший вessler, но я бы не хотел полагаться так ведь и Глебов на сразу Глебовым стал. Хотя Глебов всегда был Глебовым. А Федя?»

На буровой было тихо. Витя Штейнпресс, слесарский помбур, красивый, ладно скроенный парень (штат каждый день жмет, без выдохных,— и не лени), стоял на реверсе, внимательно вглядываясь в индикаторный щит. Анисченко глянул мельком на диаграмму и пошел по тралу наяву. На первой площадке остановился, ослотрелся. Далеко вдалеку! Только асое одно,— тумара. Впрочем по той стороне реки два огня проходили— это было зрелище.

— Готовые шлпнс,— сказал он, спустившись.— Будем грузинско поднимать. Ты, Витя, пойдешь на якорь.

— Трос шль подозрительно легко. Так и есть— пусто. Сорвался грузинско.

— Аккуратнее, Витя!
— Во второй и в третий раз безрезультатно.

— Поднимем с десятком свачей, может, тогда удасть захепить.

— Все по местам, элеватор— вверх, придержывая сему, придерживая, вот так, замок побую, свачу на себя, нормальн! Ключ! Челюсти с лязгом сомкнулись. Крути же, крути! Туго идет, проворачивается. Витя, помочи! Теперь сюда ее, в подстрельни. Поставил! Следующую давай! Не зевай, верховой! Следующую!

— Еще раз попробуем,— сказал Анисченко.— Шлпнс хорошо проверять.

— Вот этого он терпеть не мог. Вместо того, чтобы бурить, вгрызаться в глыбэ шель, давать метры, спорохитившись, Анисченко выскочил, выстреле быстрее— только скважина пробурил он за эти пятнадцать лет, и вот это было дело, вот это была работа!— а сейчас приходилось заниматься черт те чем, топтаться на месте, ловить злосчастную грузинско, застревавшую независимо где.

Осталось наматывать на барабан еще метров триста, когда Анисченко понял, что грузинско и на этот раз ускользнула.

— Может, она в верхних свачах застряла!
— А возможно,— услышал Анисченко голос Федя. Как он подошел, никто не заметил.— Будем проверять.

— Проверили. Потеряли еще полтора часа.

— А чегта на тот момент находилась в сердцецх сказал Анисченко.— Поставить бы в начале вахты трехрабоченное долото— за три тысячи бы ушли.

— Нужен керн, Саня. Продуктивные пласты проходим.

— Да я понимаю... Еще попытаемся?
— Давай.

Федя внимательно осмотрел шлпнс и побоежал к вышке. Сам сел за рычаг. Майнли осторожно...

Готово начался выстрел. Анисченко не видел лица Федя. Но по тому, как сидел он, расслабленно поставив ногу на тормоз, лицо казалось спокойнейшим...

— Урал Грузинско, ну!
— Анисченко похлопал по Федя:

— Поймай-так, ну и ну!
— А что,— невозмутимо сказал Федя,— мы же старые рыбки.
Ай да Федя.

2. ПОМОЩНИК БУРОВОГО МАСТЕРА

А завали его не Федя, а Фаат, Фаат Хуснутдинов. Но он привык уже отклоняться и на «Федю» и на «Федора Федоровича», хотя отбачать у него было бы тоже другое.

В свои двадцать три года он был сдержан и самолюбив, и, когда Глебов отправился на 83-ю, оставая его здесь за старшего, он и виду не показывал, что растерялся.

А сейчас все — на шпичку лед, он здесь всегда был, когда про тюменскую нефть, еще nichts и не слышав. Витя Анисченко, как с Глебовым и в Березово, и в Шеркалах, и в Нарьнарах работал, ровненьки они, кажется, по тридцать шестри. И Глебов спокойней, раздельней, где надо, и старевать может, а где добром постоит. Пря-

дет Глебов по балкам, поведет носом, и слова еще не сказал, а уже все другие начинают, прибирать, чистоту наводить. Он тоже так проважал— не получилось. Он старался говорить спеленно, чуть-чуть только, без выдохных, но Глебов вышло не так, и другие это замечали, да и сам видел, что замечали.

Он сидел над юнкю суточных диаграмм, туло уставившись в рисунок, оставленный самописцем, но ничего не различая, кроме того, кажется что все эти рисунки очертаниями были похожи на Антарктиду. Надеялась ночь, хотя вернее было бы сказать, что навалилась усталость, ибо графика на разная, и он старался запомнить, как и с бесконечной работой. Только по этой усталости и еще по тому, как четко и незаходящую разносилась над балками песня, которую уже поныть как неотумоленный пел Дин Рид, можно было поныть.

— «Ольбюфлют саундс оф зе волд ин з ингл вод» — Мария, Мария, Мария, Мария...

— Сколько же он не был на базе? «Все прекрасные звуки мира в единственном слове» — Мария, Ма!.. Завет, только уже сегодня, исполнился месяц, как он не выезжал с буровой.

Прошел мимо балка Анисченко, оглянулся на окно и зашагал дальше. На вахту, Ну, Саня, первый учитель шль. Отраднее, еще во время практики он решил на флот отправиться, но так у кулаком по каске, что сразу все сон пропал. Только голова два дня гуляла.

Но после техникума он отправился именно сюда, в Уренгой. Все началось так деловито, что Салехарда, как сидел неделю в тамошнем аэропорту— а середине июня ударила такая метель, даже не верилось, что она может кончиться, а аэропорт был битком набит отсушками, студентами из утравариала, но Фаат, уже ставший Федя, твердо решил пробриваться в Уренгой. Встретили его хорошо. Да и сейчас все отлично. Глебов в каюду радиосвяж спрашивает: «Как дела, Федор Федорович?» Нормально, как же иначе...

— Значит, там они прошли 2930 метров. Сейчас почти сто метров идти с отборком керна. Подходим, подходим к шелью... Уже и каротажники завешались. Пора бурить завозить. Подходим к грузинско, к буровому, к шарамом по реке.

— Но бурдет ли здесь нефть?
Затрепалт балок, зашатался— Анисченко влетел, шумный, уверенный в себе. Похвалил слесарских реверс. Погребовала чаю. «Не жалея завержки, не жалея!» У Глебова.

— Вот тут и сорвался. Студно потом стало, а не вернешь этой минуты. Не вернешь.

Конечно, до Глебова ему далеко. Но, если он будет стараться только к тому, чтобы повторить Глебова, ничего не выйдет. Из второго Глебова из него не выйдет, и себя, первого, он потеряет. Он должен сам, сам все найти.

И только работа. И работа. Другого пути нет, он признавал себе даже дилемму. По этии «Антарктида» можно восстановить каждый час жизни буровой. Вот бурение. Вот подъем инструмента, смена долота, спуск, промывка. Вот каждая вахта. Шарини долго возится с подьемом. Это его работа третья, даже седмчурная. Сейчас работает как хронометр. Он еще у себя на Кубани автоматико освоил, здесь-то она вновь. График Анисченко неровен, как порывист и он сам, конечно же видит его присутствие, операции, которые он любит, ние его тяготят. Только реальная привычка не упустит перенаста заставляя его сдерживаться, но это даётся ему с трудом, заметн!

— Что-то сломаюсь в ритме нока. Изменился режим буровой!

Он выбежал из балка.

Грунтоиска не ловится. Не ловится. Ясно! А что делать? Он попытается предвратить, как поведет себя Глебов, попробовав медленно, методично (а хотель бы быстрее, быстрее!) обследовать все возможные варианты исчезновения грузинско.

Решившая опустить шлпнс. Он сам пошел к лебедке. Трос нерешительно пополз вниз...

Он понимал, что здесь дело только в везении или невезении, что все уродна— ни знания, ни сведений, ни никаких средств не помогут ему в этом деле, и если удасть закрутить грузинско, то этого ничего, абсолютно ничего не будет означать; и все же ему хотелось, чтобы поведло.

Ему поведло.

Внезапно к нему подошел к нему и что-то сказал, но он не расслышал, но тоже что-то ответил, но...

особенно понимая свои слова. Ему поведло, только.

Было около восьми утра. Сейчас начнется рассвет. Он поминал в Балках, включая район «Федя» каротаж начался. Анисченко надо, Федор Федорович! И тогда он ответил: «Нормально, Николай Дмитриевич!»

3. НАЧАЛЬНИК ЭКСПЕДИЦИИ

Дава катера, толкая и водомет, две баржи, так же на нагруженные трубами и топливом, шлр ванн по Пуру, следуя за спускающимися в море ванми в километрове сто дельс легко; стремительно отстала каротажа. Из слова: «Безопасные стволы, изверженные, торчащие из воды; noch была такостранный, призрачный, неизменный свет льсн; извистно отлуда, не давая ни тепла, ни тени; буржевание, отрывавшиеся от дна.

Подбихник давно мдал большую воду. Вот как везде, еще поселок был залит ею, и оцм чина носились, вздымая пенные волны, юркие юрточные лодки— только там, куда собирався не правый каротаж, начинался Анисченко, Федя... Разведочной экспедиции, водно не было.

Сегодня ночью лодки все решится. Теперь бы успеть, только бы пробрився к 25-й... На этой склянке вот-вот долинии начать испускаться.

— Поглубайтесь, конечно. Скоро повороти! Арка-Еста-Юга, а там до 25-й рукой подать.

Подбихник предствали, как подходить они уром к крутому берегу, на котором стон буровая. Сначала каротаж, начинался Анисченко, Федя... Хорош лодку воспитал Глебов. Федю нора на самостоятельную работу выдвигать, в буровые мастера. Освоился. Глебов, уйдя на 83-ю, оставил ему лучших буринщиков, лучшие вахты. Задерживать парни, зато надежные.

— Василий Тихонович Подбихник!
Ну, сейчас держись. Ждите нас, ребята.

И неожиданно он обнаружил, что думает об этих людях— там, на 25-й, на 83-й, на всех других буровых, разбросанных в долине Пура и его безлюдных притоках,— со странным, тревожащим чувством, в котором смешались и беспоконство, и озобоченность, и даже нежность. Какой взрост! Он не был sentimentalен. Он вахит в эти люди. Он бывал курт с этими людьми. Но, может, он все-таки и любил их!

— Все лавла Уренгойа открыты. Все тонны, миллионы тонн, миллиарды тонн нефти вытормы. А они заремася на буксирях, зарыскивали... Ход упол. Потом начались перекаты. Шлр ползокном. Вода, лед, оный вода. Опустился туман. Берега размылись, и наверху свала, зарыски деревья, и с ветвей и палубу стекала лиловая затхла вода...

— Глубина сорок сантиметров!

Все, приехали.

Ползок напрягся— по воде, по мхам, по болоту,— Подбихник выбрался на колм, погадая туда, откуда бежала, мязиваяся, продавая и зюкая лавла, незадежная река Арка-Еста-Юга...

— Далеко впереди виднелся стрельчатый шлур 25-й.

— Возьмите бензопилу, готовите площадку,— приказал Подбихник.— Груз оставьте здесь. Вызывайте вертолеты!

В этот день вахта Анисченко не установила рекорда проходим.

В этот день буровая Хуснутдинова не нашла нефти.

В этот день карван Подбихника не пробрився к буровой.

В этот день ничего не случилось.

— Был буринный день 14 июня 1972 года, была блявая ночь. Была работа. Были проблемы к нефтеносным пластам еще 18,2 метра.

Только и всего.

ЭПИЛОГ

ГЛАВНЫЙ ГЕОЛОГ ГЛАВКА (1972 год)

«Но через два дня бригады А. Чуракова и Б. Полубанова из скважин, пробуренных на открытых ранее геологических и Юмбурском газовых месторождениях, поочередно обнаружили нефть. Главный геолог «Главтонефтегеоинститут» Ф. И. Сахаров сообщил корреспонденту «Правды»: «Новые данные позволяют основательно полагать, что в обширных пределах южной части Тюменского нефтяного месторождения залегает почти асуюше там, где раньше разведана гда. Недаром на совещании в Уренгое геологического отдела Управления геологического поиска в Нижнеуральской области отозвался о возможности проведения национального ордена. Новое открытие еще раз убедительно подтверждает плодотворность этой

Рисунок Сергея ТЮНИНА

МГНОВЕННИЕ ЕГО ЖИЗНИ

Медведь ШАВЛИАШВИЛИ

РАССКАЗ

О тара легонько толкнули в бок.

— Слушай, играть не будешь? Лучше пересаживайся!

— От вас не то что в самолете, в могиле ложок не дождешься! — проворчал Отар. Он лениво приподнялся в кресле и осматривался. Среди белобрывых и гладколицых спутников, как куски антрацита в светлых камнях, выделялись смуглые, чернорукие грузины — посланцы колхоза «Гамарджеба». На их земле вот уже около тридцати лет искали нефть. Взрослели дети, старели мужчи-

ны, но так и не пришлось им увидеть нефтяной фонтан. Земля была и без того щедрой, но так повелось испокон веку: человеку непременно хочется найти то, что он ищет. Однако нефть не вышла. И снова земля покрывала тучные всходы хлеба, слова пугавшие амбары до отказа наполнялись золотистой пшеницей.

И вот когда узнали они о неслаханной щедрости нефтяной Сибири, опять проснулася забытый червячок любопытства. И первые поздравления первопроходцы получали из страны мажари. За поздравлениями полетели письма — в них предлагалась дружба и соревнование. А теперь вот и сами летят. Вместе с другими — городские ребята Отар и Тамар, ведь за последние десять лет без них не обходился ни одна свадьба, ни один праздник в районе.

Самолет вырвался из туч и устремился в солнечную синеву. Отару хотелось спать. Снапалась голова. Но игроки вошли в раж и спать не давали. Шум, веселье, хлесткие удары по носу проигравшему и его вскрипы — не то от смеха, не то от слез.

— Ваню, отодвинь-ка корзину, а то чым так разошлася, что от цветов ничего не останется, — услышал Отар голос зампредседателя колхоза.

«Какой чудной дядя Сандро, — сквозь дрему подумал Отар. — И как только пришло ему в голову налить в целлофановые мешочки воду и положить туда претлы?»

— Как новобранчих, нас провожали. — Это уже голод Ваню. — Дома никто не остался — ни старики, ни дети...

«Остались. Как не остались? — с горечью вспомнил Отар. — Мой отец и мой сын остались. Большой Давид и Давид маленький... Сейчас они, должно быть, копаются у себя в огороде...»

Отар будто услышал сына:

— А когда выкорчуеть эти кусты, дикуню яблоно тоже срежьешь?
— Ты прав, — как равный равному, отвечает маленькому старик, — обязательно срежу, тебе не хочется, чтобы огород был больше?

— Яблона совсем, совсем в стороне, — тихоно так говорит Дато, — никому в огороде она не мешает. Лучше парские яблочки привить к этой дынялке!
«Малый ты мой, — с восторгом смотрит на внука дед. — Как же ты, маленький такой, до этого додумался? А вслух говорит:

— Пусть будет по-твоему. Оставаю яблоно. А как у тебя дела? Каванку уже починиста?

— Починиста. Посмотри, дедушка, как вода течет. Ни один листок не мешает. Все сделано.

— Молодец! А теперь принеси-ка мне вон те палки. Помидорам нужны подпорки. Видишь, какие выросли. Куст не держит.

— Можно, я буду вставать палочки? — говорит мальчик. — А ты расскажешь, как общада, о нашем городе.

— Будь по твоему! — соглашается дед — Любое обещание мужчины — закон. Не мужское это дело не держать слова.

Мальчик вставил палку в рыло землю, и дедушка осторожно прикренил к ней отгнанный пладом темно-зеленый стебель.

— Все было так, как было, — начинает свой рассказ дедушка — Вот эти две горы с длинными и могучими хребтами олаждак пришли друг к другу в гости ненадолго и расположились, чтобы удобнее было беседовать, одна напротив другой. Ты же знаешь, что значит для гор ненадолго?

— А что это значит?

— Для гор это то, что для нас тысячекратно. Склоны их покрывали лесами, там появились в бесчисленном множестве звери и птицы. Заяц и кролик, О которых, Дато, ты так много слышал, как раз тогда и поселились в наших местах. Над вершинами гор проходили тучи. Они сначала темнели, чтобы поочередно и пролиться обильным ливнем. А во время дождей и ливней со склонов гор бежали ручьи. Внизу, там, где между собой горы оставили глубокий овраг, эти ручьи соединились в большую и стремительную реку.

А горы изрекла продолжая свой разговор. Зимой наражались в белое, весной выдыряли розовый и персиковый цвет, а осенью пестрели желтым и красным.

Но чем дальше, тем все реже и реже горюнии они. Каждая из этих гор стала задумываться о своем.

Потом пришли люди. Вырубали деревья, выровняли землей и вдоль хребта провели несколько улиц.

— Нашу улицу? И еще ту, что против нас, на склоне?

— И нашу и ту, что выше нашей. А потом пролезали те, поперечные, что идут к хребту. Так появились мощные улицы, а дома с красными крышами, и цветочные ковры в садах, и деревья с сочными, сладкими плодами, они были посажены на вырубленных участках.

Подождал дедушка, ты ведь совсем забыл о третьей горе! — сказала мальчик.

— Верно, Дато, она пришла сюда раньше людей. Ее стало любопытно и завидно смотреть на то, как беседуют те двое. И она являлась, видите ли, и прилегла у их ног. И перестроила путь реки, которая пыталась, анигвными водами. Реке ничего не оставалось, как изменить свое течение. Она бросила старое русло, повернула к Анаге.

— И нам пришлось выйти у вас наш овраг, да, дедушка?

— Это было невольно, но мы оладили реку.

— А в русле реки выбрала одинаковые красные камни, положила их аккуратно и скрепila цементом. Потом уронила склон — и вышла горизонтальная овраг, да, дедушка?

— Горизонтальная — поправляет дед.

— Смотряка, больше надо. Возьми у нас уекуку с обедом и беги за водой. Мальчик принес сумку и тогда отправился за водой.

— До каких пор ты будешь на такой жре мучить ребенка? — сказала бабушка. — Его товарищи играют, бегают по улицам, а ты с утра до вечера заставляешь его работать.

— Заставал! — возмутился дед. — Труа ни для кого и никогда не был мучением. Вот ты давала своему сыну воду. Делала, что хотела. А что вышло?

— Но ведь мальчик не виноват, что его отец не работает. Так почему ты на нем злобу свою срываешь?

— И исправляю ошибку, — сказала дедушка, — может быть, хотя бы из винука выдвела человек — И он с нескрываемой гордостью рассказал о том, как Дато предложил привести дикую аблоху. У бабушки от радости заблестели глаза.

— Солнечные лучи преобразились в стекал аломинатора, и Отар ощутил на своем одежде их жаркое тепло.

Отар! — кричали в калитке. — Дато, отец дома? Позови!

— Ему некогда, у нас хлопот сегодня, и дедушка велел помочь.

— Посмотри на этого чертенка! Он уже знает — раз мы пришли, отец уйдет с нами.

Мальчик смутился и убежал. И тотчас появился Отар, выплаканный в цементном растворе.

— В чем дело? Что за поляр?

— Ну, вот. Я так и знала, что он позыбай! — возмутился Тамаз. — Тебе же говорили, что сегодня собираются те, кто тридцать лет назад окончила школу.

— А мы при чем? — удивился Отар. — Они без нас не узнают, что ли, друг друга?

— Ну вот, опять двадцать пять.

— Нас и на свете еще не было, а они уже школу кончили. Зачем им наша помощь?

— Я ж тебе говорила. Они не умеют леть. В войну им было не до застольных песен.

— Но я и не могу войти в дом. Отец увидит, что переодевшись, — это была последняя дова Отара.

— Подем ко мне, — сказала Тамаз, — у меня вымохоси и наденешь мою рубашку.

— А гитару?

— Гитару Дато принесет...

Из переднего салона вылез мальчик и побежал в другой конец самолета. Мать едва успела за ним. Мальчик споткнулся, и Отар подхватил его, заметив, как ступы у мальчика носки новых туфель. «А ведь Дато так же порит свой боготворимый подум», — сказал Отар.

В тот вечер Отар позвонил бабушке домой. Она была перелачная музотом и изрядно устал. Подавая мужу чистую сорочку, жена попросила денег. На обувь для детей.

— Нету, — сказал Отар.

— Еще не закончил ремонтировать машину?

— Все сдала.

— Вот бесовестные! И они тоже не заплатили?

— Им сейчас нечем платить, — согала Отар.

Взглянув снова ему дедушка сидела в кариане, дотом в чемоданчик с инструментами. Присла вать бабушку. Не гавала и обложала. Но Отар не знал.

— Что же мне делать? — гонрвала жена. — Опять дед увидит, что у мальчика торчат пальцы, и побегит за ботинками в магазин.

— Ну, и хорошо!

— Как тебе не стыдно, Отар? До каких пор твой отец будет нас содер- жать?

Она вдруг переменяла тон. Ей стало жалко Отара.

— О тебе сегодня многие спрашивали.

— Кто жей! — без особого интереса спросил Отар.

— Был Дато, у него что-то случилось с краном в ванне, пригбалаг тетуза. Тамаз, исподна холмодиник, да и только он ли?

Отар вышел на балкон. В саду разговаривали. Отец втолковывала соседу свое:

— Надеемся на то, что я не сапей. На такого сына какна надежда? — Оставь, Давид, — возразил сосед, — таких хороших парней, как твой, мало.

«Старик, наверно, уже давно снят в виноградной беседке и пригубил ветру», — подумал Отар. — Давид, — отар еле ворочал языком.

— Ты изрекал отар, что Дато давно правник, но почему-то голос казался особенно жалобным — старик не пригнал, как обычно, а будто стонал.

— У него длинные ноги и широкие плечи, — говорила отец, — у него такие ресницы и такие глаза, что девчонки ходят стадом за ним. А разве это что-нибудь значит, если до сих пор он не стал настоящим мужчиной? Человеком дед и слова?

— Зачем же так? — снова возразил сосед. — У него золотые руки!

— Это меня и убивает. Отар многое может, но не ценит себя. Мальчик в погубежках. Помынали — побежал, попросил — не дал. Его испокон, и не слышал, что он не может сделать. Почему-то не характер нет.

— Он добрый, он никому не может отказать в помощи. А из всех его вещей не хватил! — сказала Сандро.

— Это слепая доброта, — сказала отец, — ему авидать восемь, он хватался за мигров, а одного дедла — раз и наведет, на него жени — до сих пор не брада. А потом еще эта гитара. Он цральны вершины дома не бывает, скитается с гитарой, как уличный певец.

— Ты убавишься, Датико, — вмешался бабушка, — жеребенко учится скакать возле своей конюшни. Вся вайла порода табука.

Ее очарованно было стоить нежиданным, что Сандро и отец растерялись.

— У тебя было не меньше стей профессий, как мальчик, что становился первым в своем деле, бросал и принимался за новое. Стоило аломак заговорить о сапогах, которые ты тачал, и ты становился шафером.

— У меня еще не было семьи, — помотал, сказала отец.

— Не семья тебе заставляла стать серьезным человеком, — сказала бабушка, — война заставила. Ты вернулся с фронта изучением. Но наведста стал человеком дед и слова.

— Это правда, Давид. Война была настоящим испытанием, но она была в большом смысле учением. Маленького мальчика не тронула беда и горести. И потому жизнь им кажется несчастьем праздником. Но, честное слово, Давид, твой сын лучше других.

— Это не утешение, Сандро. «Мой лучше тех, которые хуже них». Этим себя не успокоишь. А как мне быт? Не мечтаю же о войне. Для моего сына Отар долго не мог заснуть. Несколько раз он порывался встать и прийти к отцу, лечь с ним рядом и принаслать, как маленького, как-то утешить, что-то пообещать. Но вряд ли отец поверил бы его обещаниям. Нужно было выйти из комнаты, чтобы избежать стыдных опровергаемых доказательств.

Но не было у него ни доводов, ни доказательств. И он так и не осмелел подойти к отцу.

Когда утром мать показала ему две большие корзины с фруктами и заметила, что отец еще до зари встал и собрал их, Отар вдруг почувствовал, что не может удержать себя. Он оторвался от кровати и восторженно восторженно приподнял руки. Отец и бабушка сидели на кухне и осторожно присматривали к нему. Отец отидовского глаза ажалал один к другому, аитарем высвечивая в поутьате. Так может уложить фрукты только отец. И не только это может он сделать мастерски и с любовью. В перемачке, построенной им, нет ни одного верного камня. На деревянной калитке — орнамент, какой увидишь только в музее. И это тоже дед его рук...

— «Земля! Земля!» — кричал кто-то над самым ухом Отара. Пассажиры айнера приналяли к окнам, как мория, за долгое свое путешествие давно не видевшие землю. Но безлоуаря створдаса «пригождизма» их приназывали ремник к...

Отар посмотрел в аломинатор. Всех оторвал зеленый лесной ковер, сканирующийся внизу, был испещрен сверкающими черными пятнами — это были, и от них в разные стороны распадались десятки и сотни водных нитей, словно гигантских размеров рыбачью сеть разостлали и высушили под солнцем.

— Ты посмотри, сколько земли тут есть, — удивился Тамаз. — Неужели эти бомота неслила осудит!

— А зачем? Яра итра стоит вещь. Такой са еще не!

— Моей отец, чтобы отнять горсть земли у реки, готов воюет с нею», — подумал Отар.

— Неужели это и есть непроходима тайга? Что же за тайга, если между деревьями все настолько видно?

Дед осмелительно надвинулся на них. Самолет зашел на посадку и вскоре коснулся земли.

В аэропорту их никто не встречал. В ожидании корзины и чемоданов вся группа собралась в кучу, как беззащитное стадо отец бед пастуха. Рядом с Отаром стоял безобразный паренек с оди из полуучаков, который сказал, что у него товарищи только что демобилизовались из армии и приехали сюда по приглашению городского комитета комсомола.

В зале ожидания монотонно гудели комары. Здание аэровокзала, видно, построили недавно. Тут было неутоно — ни буфета, ни ступаев, негде принажить.

Козь большого окна виднелся аэродром в окружении леса. Бетонные дорожки санивались со светлым песком, покрывающим поле. Мороса дождь.

Другое око выходило на автобусную остановку.

— Почти час, как мы прилетаем, а подождит только первый автобус, — сказала Отар. — Посмотрите, алоди по головам абуфт. Не дот проходу ни женщины с детьми, ни инвалидам. Надо что-нибудь изобрести. Не ехать же в этом аэродроме.

Он отворнулся. И тут он заметил мальчика, который широко раскрытыми глазами смотрел на то. Отар, то он стоял, а потом шагнул к нему.

— Как зовут тебя? — наклонился над мальчиком Отар.

— Андрей.

— Ты живешь здесь?

Мальчик кивнул.

— А куда собрался?

— К бабушке. В село.

Отар достал из корзины перчик и протянул мальчику.

— Утодишь, Андрейша.

Тот покраснел и пробомотал что-то, но искусство было слишком велико.

— Ты знаешь, как это называется?

— Персик, — неуверенно ответил мальчик. Он разломил персик и положил дольку на чепухану. — Это яма.

Отар улыбнулся.

— Ешь, ешь, Андриша. Еще дам.

И пока мальчик ел, Отар вынул из корзины сочную желтую грушу. Груша казалась вкусней персика. А виноград не ел сладше.

— А то как называется? — спросил Отар, вынимая из корзины инжир. — Даю поплоху на отгосчение, что не знаешь.

— Не знаю, — тихо привалил Андриша.

— То-то. Это инжир, — гордо сказала Отар. — А по-грузински левги. Скажи: левга.

— Левги! — повторил мальчик, не сумев выговорить это слово, но всем видом своим показывая, что инжир ему понравился больше всего.

И тогда Отар в складочный чепухану старик журна, полжизнь бережливо два блока, два персика, две груши, два инжира и большую ложку винограда.

— Отнеси маме!

— Спасибо! Эти яблоки и левги, как на картинке!

Мои дети увидят на картинках фрукты, которые они много раз ели, а тут мальчик привалил! Сладкая улетит на картинке, а потом, быть может, попробует! — подумал Отар и отошел в сторону.

К мальчику приближалась беременная женщина. «Она уезжает рожать в село. К матери», — подумал Отар и прошел в боковой коридорчик. Там висела доска объявлений. Ему сразу же бросилась в глаза: «Желающие приглашаются к нам на строительство. С 1 мая уезжает в Калинин переносок на июнь». Отар прочитал, что запланировано перевести 32 тысячи пассажиров и в 30 тысяч грузов. А перевезено пассажиров 42 тысячи человек, грузов — 48 тонн.

— Куда ты исчез, Отар?! — Тамаз обнял его за плечи. — Багаж уже выдают. Бегим получим.

Они вышли из коридорчика, и тут старая знакомая взвизнула Отара за руку: — Вот. Я для вас нарисовала.

На рисунке в черном болоте тонущая лодка. Из ее окозку торчали жуткие руки, а вокруг ни души. Над машиной кружила вертолет, вышустив трое...

— Видишь, Тамаз, — воскликнула Отар, — мой сын на своих рисунках привнес много добра. Андриша просител на помощь застрявшей машине вертолет. Не тягач, именно вертолет. Они, право же, обжались старик!

Вышка гудела беспрерывно. И утром и вечером. И днем и ночью. К ней прислушивались, угадывая в кажущемся однообразном шуме только им понятный ритм. И бурмашники, и геолог, и лаборант, и даже поплаву кружатооскопная вышка. Ведь она привнес их всех сюда, в эти непроходимые болота, в этот никем не искошенный лес.

Эти люди давно забыли, что вышка — существо божественное. Они одухотворили ее, вделали человеческими чертами. С приращением многополюсного ядра — вышка стала и думать, и чувствовать, и восторг, и радость, и чуждость.

А как все они бывали бездельны и восталь, ссылаясь на ровню гудения и вышки! Но стоило ей заскрежетать или захлопнуть, сбиваясь с привычного ритма работы, как они становились озабоченными, нервными, беспокойными.

Вышка собирала сюда этих разных по профессии и образованию, но характеру и возрасту людей. Она сумела привлечь к себе тех, кто ждал далеко от дому, а теперь терпел и холод и лишения, потому что она стала для них первой работой.

Они ездая в город один раз в пятнадцать. В этот день насказо пропитанная и медула, и вышка, и они вертели. На площадке, которую сами приготавливали в тайге, вырубил тонкие деревья и выкорчевала пни. Вертолет прилетал не всегда.

Взакое болото вокруг лагеря геологов и бурмашников было покрыто желтой вышкой. Одни необузданный шаг, и этот шаг может стать последним. Там, где буровые вышки были неподходяще от города или магистралей, их заменяли так называемые «плавающие вертолеты»: четырехметровые бревна, засыпанные крепко утрамбованным песком. Но первые же дожди смывают песок. Шоферы с виртуозностью эквилибристов переполняли машины по прилаживанию бревнам.

У оставшихся нефтегазодобывателей вертолет — как единственная надежда. Он отвозил в город и привозил обратно людей. Прокляты, горючие и двадцатитонные трубы тоже доставлялись по воздуху. И даже вышка, походя на лодку, спускалась в тайгу с небом...

И не удивительно, что все времена года здесь предпочитают зиму. Пусть вышка и медула не приходится скалькать лодками с деревянными настилом, и даже если скалькать сократительная вышка, а замерзшие лодки не в силах пронести болот, зима — это все-таки лучше, зима — это дорога.

Они выносили все, лишь бы гудела вышка. Это гудение было мерой их мужества, мерой их собственной ценности. И деньги, которые они зарабатывали, были не просто деньгами, они были удовлетворением их мужской гордости, ценой их стойкости.

Они не имели ни наследства, оставленного богатыми родственниками, ни могущественных покровителей, ни влиятельных друзей. Каждый из них, своей сое могуществом, успеху которого способствовали лишь жизненный опыт, ковал свой хлеб и удача. Даже малую лодку земам приходилось отвозить у болот с риском и напряжением сил. Ни говоря уже о нефти, которую надо выкачать.

Пронсупиши. Отар не сразу собрался, где он. Отодвинул маревый полог, сел на кроватку и уткнулся спиной в Тамазу.

— Там, где буровые вышки были неподходяще от города или магистралей, их заменяли так называемые «плавающие вертолеты»: четырехметровые бревна, засыпанные крепко утрамбованным песком. Но первые же дожди смывают песок. Шоферы с виртуозностью эквилибристов переполняли машины по прилаживанию бревнам.

У оставшихся нефтегазодобывателей вертолет — как единственная надежда. Он отвозил в город и привозил обратно людей. Прокляты, горючие и двадцатитонные трубы тоже доставлялись по воздуху. И даже вышка, походя на лодку, спускалась в тайгу с небом...

И не удивительно, что все времена года здесь предпочитают зиму. Пусть вышка и медула не приходится скалькать лодками с деревянными настилом, и даже если скалькать сократительная вышка, а замерзшие лодки не в силах пронести болот, зима — это все-таки лучше, зима — это дорога.

Они выносили все, лишь бы гудела вышка. Это гудение было мерой их мужества, мерой их собственной ценности. И деньги, которые они зарабатывали, были не просто деньгами, они были удовлетворением их мужской гордости, ценой их стойкости.

Они не имели ни наследства, оставленного богатыми родственниками, ни могущественных покровителей, ни влиятельных друзей. Каждый из них, своей сое могуществом, успеху которого способствовали лишь жизненный опыт, ковал свой хлеб и удача. Даже малую лодку земам приходилось отвозить у болот с риском и напряжением сил. Ни говоря уже о нефти, которую надо выкачать.

Пронсупиши. Отар не сразу собрался, где он. Отодвинул маревый полог, сел на кроватку и уткнулся спиной в Тамазу.

— Там, где буровые вышки были неподходяще от города или магистралей, их заменяли так называемые «плавающие вертолеты»: четырехметровые бревна, засыпанные крепко утрамбованным песком. Но первые же дожди смывают песок. Шоферы с виртуозностью эквилибристов переполняли машины по прилаживанию бревнам.

У оставшихся нефтегазодобывателей вертолет — как единственная надежда. Он отвозил в город и привозил обратно людей. Прокляты, горючие и двадцатитонные трубы тоже доставлялись по воздуху. И даже вышка, походя на лодку, спускалась в тайгу с небом...

И не удивительно, что все времена года здесь предпочитают зиму. Пусть вышка и медула не приходится скалькать лодками с деревянными настилом, и даже если скалькать сократительная вышка, а замерзшие лодки не в силах пронести болот, зима — это все-таки лучше, зима — это дорога.

Они выносили все, лишь бы гудела вышка. Это гудение было мерой их мужества, мерой их собственной ценности. И деньги, которые они зарабатывали, были не просто деньгами, они были удовлетворением их мужской гордости, ценой их стойкости.

— Отар, что будешь есть? Вверхним гулаш или котлеты! — Повариха стояла возле железной печи. Котлеты шипели в масле. В больших тазах лежали румяные пирожки. Отар попросил котлеты и потянулся за пирожком.

Гала легонько стукнула ладошкой по его руке. — Не спиеш, эти сладкие, а с мясом и другим тазом.

— Тети Вара, какие вы печете большие пирожки, как будто для великанов! — сказала Отар.

— Они и есть великаны! — Полное лицо поварихи засветилось улыбкой. — Во всяком случае, appetite у них богатырский.

В столовую пошла бурмашка Толя, в балеке которого остановились Тамаз и Отар.

— Вы сидите дома, тетя Вара? — спросил он. — Нет, Толя, мастер меня попросил остаться на неделю. Надо научиться замечу пект вот такие пирожки. А что ты хoteшь?

— Да я ничего. — Толя прищурившаяся. — Думал, вот тетя Вара у нас свобода от всех забав. Могла бы отнестись от меня комаров, пока я займусь пирожками.

— «Свобода от всех забав» — попыталась переадресовать Толю повариха, — это то каждому неделю в город летаете. А я месю в бане не была.

— Целый месю не была, а то я — ужаснулся Толя.

— Ну, месю не месю, а то я — это точно, — засмеялась повариха. — Но дело не только в бане. В чепухану устрою, до девяти вечера еще управлюсь. А как Отар с Тамазом объявятся, так и суток не хватат!

— Могу подвтерять, — кинула Толя, — то сами здесь поют, то Галу учат петь. — Он подтолкнул ее под локоток. — Ты что, на веки вечные в столовую переехал? Делать у тебя нет!

— Я еще за вчерашнее на тебя сердита, а ты опять за свое! — вспыхнула девушка.

— А что вчера было, — делала болото глаза, спросил Отар.

— А то ты не знаешь! — воскликнула Гала. — Это сумасшедший в полночь разбудил. Простая, говорит, не успела сделать промер керны. Мне аж не по себе стало. Прислушавшись, — так и есть, разлагает! Труба только еще опускала. Какое там звать! Едва заределась, другой будет клоун.

— Откуда я знала, что ты прислушался! — сказала Отар. — Я думала, ты лаборантка объявляющая, а я в чужд природы, по шуму на вышке определяешь, когда тебе на буровую идти.

— Хорошо. В ту ночь не знала. А вчера ночью?

— Что вчера? — вновь прикидываясь дурачком, спросил Отар.

— Что! Он в окошко шкафу просовывает комаров, мол, ловлю. А ты стоишь рядом и помрачнев ш о смежу.

— Надо бы в болоте устроит, да ведь горы все-таки электрик, и дизельное. Сегодня у кого сплевуко просить будешь, Отар?

— Сегодня мы идем за грибами, — сказала Гала, — один засоня Тамаз отстанет! Так что тетя Вара, не забудь нам горючие воды пригтовить. Чтобы мы помалочку, пока будут вариться чахочкам из грибов.

— А что, — сказала Отар, — нуейли нельзя поставить дуть? Ведь динька крутится кружатооскопная, горючая вода в избытке!

— Скажи, пожалуйста! — поморщилась Толя. — Третье разрешение за два дни! Не моего ала!

— А что непонятно идея, — сказала мастер, взысшая за шалку. — Я, жалеешь, первый раз услышал его голос, — навивно удивился Отар, когда за ним закрылась дверь.

— Это верно, — сказала Гала, — наш начальник говорил редко и мало. Зато его голос имеет вес!

— Нуейли! — удивился Отар. — А мне кажется, переберись он в большой город, и вовсе дара речи ашится.

— Это ему не грозит. Он не переносит городского шума и никогда надого не уедет из тайги.

— А разве здесь тихо? — сказала Отар. — Где еще больше шума, чем здесь? Вышка грохочет двадцать четыре часа в сутки.

— Скажешь тоже, — возразил Толя, — разве это шум? Это музыка. Если не дай бог, замолчит наша вышка, мы оглохнем.

— Не оглохнешь. Комары не алаут... И почему они вас не кусают, а надо мной так и вылетает, — сказала Отар и в сердах прихлопнула очередного комара у себя на руке.

— Возьми-ка, помажь, — сказала Гала, протягивая ему маленькую белую бутылочку.

— Сему сразу не дала! — возмутился Отар. — Ждала, пока совсем меня загрызнут!

— Ты же хотел увидеть трудности нашей жизни. И мы не мешали тебе.

Они сидели в зимовье, у печи. Блики огня блуждали по лицам, принимая причудливые очертания на стенах избы.

— Таков закон тайги, — говорила Толя, — здесь все общее. Уставший охотник или геолог, пробродив сутки и более в падах и топях, может обогреться, отоспаться, поесть. Он найдет в зимовье самое необходимое. А уходя, найдет дровишек, перемет посуду. Для тех, кто на пути к отару.

— И чисто вы оглохнешь в этих местах? — спросил Отар.

— Охотиться и ловить рыбу. Тети Вара на нас не в беде.

— Нуейли здесь так много зверя и птиц?

— Много — но слово... — сказала Толя. — В прошлом году один песен приторировался ходить к нам в гости. И всегда находил без ошибки. Хитрец шел на запах мяса! Он так и был привык, что потом жар углощение с руки и грелся в зимовье. У него была длинная золотистая шерсть и мягкие теплые губы.

— И что же с ним стало?

— Когда вышка переброевляла на другое место, кто-то его застрелил.

— Как так? — вырвалось у Отара, и тут же он вспомнил маленького баранца, которого звал эту зиму хохлаи, грея у печи, а к мяю отек зарезал его. От того что не удалось этого скрять, — он увидел шкуру, и целую неделю горевал...

Огонь в печи устоял. Белая зола покрывала угли. Под монотонный шум дождя кое-кто из ребят заределал.

— Хотите, расскажу сказку? — Гала лукаво посмотрела на Отара. — Все было так и так... Две горы с длинными хребтами привали в гости.

Отар вскоching, как ужаснейший, запрещая жестами рассказывать дальше. Он покраснел и смутился.

— Ладно, — после неловкого молчания ухмыльнулась Толя. — Давайте я рас-

скажу. — На берегу одной реки стою город. Испомнилося ему триста пятацдесят лет. Жили там люди спокойно и тихо, без войн и суеты. Их жизнь протекала как же медленно и однообразно, как та большая река у подножья города. Детям люди пасли коров, сажали картошку, ловили рыбу, зимы охотились...

— А весной влюблялись, — вставила Галя.

— Ну, уж это как водится. Да... А свадьбы устраивали осенью. Раз в три зимы к ним добирался поезда, а летом приставала к старинной пристани пародка с подарками для новобрачных, модной одеждой и продуктами на весь год. Это был самый славный праздник. Пародка встречала песнями и плясками. А ушлава пародка — и жизнь снова укладывалась в свое неспешное русло. Но вот однажды из самых глубин земли пробилась и зашумела наверх Черная Оча. Она взбудоражила город — и не только это. Со всех концов страны сюда пометали самолеты и вертолеты, поплыли теплоходы и баржи, помчались автомашины, поплыли трактора. И сколько людей сюда понаехало: мужчины и женщины, парни и девушки...

— Залетала даже сюда чернушная певчая птичка, — хохотнула Галя, прачась за что-то сплунуть. — И, конечно, не змеало кто-то, а песенки петь.

— Не пора ли домой, братиц? — сказала кто-то. Все заисобразилась. А Отар подумал: «О каком доме разговор? Бабаи в тайге — дом? Общественге геологов в городе — дом? Нет. Дом — это тот, далекий, где мать ни днем, ни ночью не знает покоя».

— Эй, ребята! Вертолет прилетел. За бочкой из-под солиарки. Мастер прача и Отара подбортить. Тамаз уже там. Кто на тракторе?
— Вроде бы Сергей.

— Се-ре-же-ка!

Отар не стал дожидаться, пока найдут тракториста. И сам сел за руль. Зацепил тросом бочку. Но не прачелал и двухот метров, как трактор забуксовал и мотор заглох. Отар высунулся из кабины: так и есть, он основательно засеял в грязь. Стоял прибавить газ, и трактор еще больше осел в колышущуюся под гусеницами болотистую жижу. Вот почему ему махали с буровой. Этого подумала было — не доверяют, а они хотели предупредить: не жми на правую...

Кое-как добрался Отар до взлетной площадки, оставив трактор на полороге. Мастер о чем-то толковал с летчиком. Он даже не обернулся, когда поахлел Отар.

— Не могу, и все, — говорила летчик, — меня снесет ветром. А инструкторно знаешь! Ближе чем на пятацдесят метров к лесу подходить не имею права. У этого дерева не сидеть, — и летчик показал туда, где торчала в грязи ося самого леса трактор с бочкой, — поломаю лопасти, машину забуксует.

Горючее кончилось, — тихо, но твердо сказала мастер, — а насчет пятацдести брось. Здесь все сто. На газ вышло.

— Сколько летано, управме буровиков никого не встречала! — выругался, забираясь в кабину, летчик.

Когда все усаелись, Отар помог второму пилоту подняться лесенку.

Через минуту вертолет оставался в воздухе. Отар выгнулся из люка, увидев бочку, и руки вдруг сами ухватились за трос и вынули его из кабины. С той же неведомо откуда подоспевшей решительностью он перемахнул через перила люка и повис на тросе, а затем стал осторожно спускаться вниз. Он видел, как крохоток троса цепляет бочку, и теперь ждал, пока вертолет опустится настолько, чтобы можно было бочку захватить.

Визгливо подул ветер. И вертолет вместо того, чтобы опуститься, начал забирать вверх. Только сейчас до Отара дошло, о чем летчик говорил с мастером. Летчик боялся, что вертолет отбросит к деревьям. Отар попытался вскарабкаться как можно выше. Но, посмотрев вниз, замет: его отдала от земли метров тридцать. И он стал смотреть на землю, покрытую травой и лесом. Он не чувствовал ни страха и ни отчаяния, — его удивила красота тайги. Это было скорее похоже на сон, чем на реальность. Это было похоже на сон тем более, что на равнине, покрытой лесом, вдруг подымались его горы, будто снятые с двойной экспозицией. То рядом с тайгой, то над зеленой равниной появлялись они. Те две горы, что прилетал побеседовать друг с другом. Прошло не более мгновения. Но это мгновение было равно прожитой жизни.

Секундная стрелка едва успела один раз обойти циферблат — и вертолет снова оказался над бочкой. Отар машинально протянул в ней руку. Вертолет, как прикованный, постоял в воздухе и летчик машинально опуститься. Отар почувствовал под ногами медленную медленную опуститься. Отар онемевшую руку. Только теперь, взвзвись за крюк, он испугался: если вертолет хоть на полметра снизится, его расплющит, припечатает к бочке... Трясающимися руками он едва смог закрепить крюк.

— Тамаз, садись рядом с шифером. А я возвращаюсь этим же вертолетом на буровую.

— Ты с ума сошел! — удивился Тамаз.

Отар улыбнулся. Ветер ворошил волосы, тербеля полуу плаща.

— Понимаю, — протяжно и с недобрым интересом в глазах прачелла Тамаз, — тебе вскружила голову владыцды сберкинжек. Сколько же ты думаешь здесь заработать?

«Чудак этот Тамаз. Ему ли не знать, что и выгода не гнался за деньгами. Дело — вот единственное, что меня интересует».

А может, Галя рассказала тебе сказку, от которой голова пошла кругом?

— Такие сказки не для меня, — сказала Отар, — А через неделю Жужуа прилетит.

— Жужуа?

— Жужуа.

— Ничего не понимаю... А как же Дато? Ему придется занять очередь в детский сад. А там, между прочим, не хватает двух тысяч пятисот, мест.

— Дато пока поублет со стариками.

— А чем займется Жужуа?

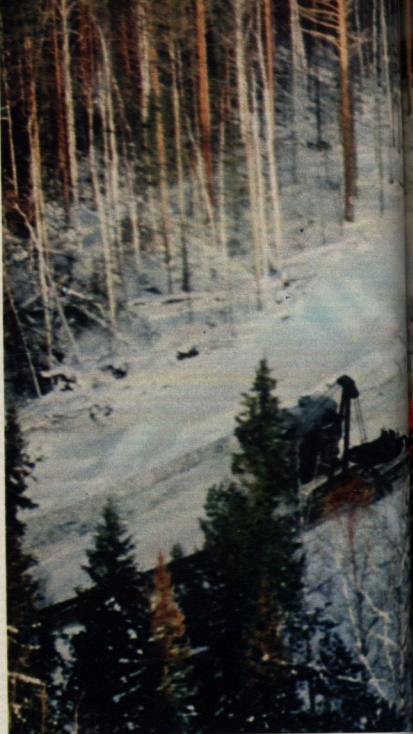
— Если она попробует заменить тетю Варю, это будет не так плохо, а?

— А что же я скажу твоему отцу? Как в гала посмотрю?

— Мой отец помет. Он должен понять, — сказала Отар. А про себя думал:

«Отца вернулся с войны человеком. Я тоже хочу вернуться домой таким человеком».

Перевод с грузинского.

ФУСОН НЕФТЯНОЙ РЕКИ.

ДОЛ

Если можно, начну издавна. Василий Тимофеевич Аленин в приозерье Ермаи — пришел в Иркутские в 1981 году и следующие летом разбил войско хана Жужуа, за что Иван Грозный пожаловал казначею приваительно собоюла шубу со своего плеча. Фант общественный. Вот о другом, происшедшем в тех местах примерно в ту же пору, уверен, знают немногие. В 1805 году сюда с Урала было перелетено 28 ящичников семян. Со бытие на первый взгляд незначительное, на самом деле показательности огромной. Поимай, а серьезные намерения России на вновь обретенных территориях он говорил не меньше, чем основанье здесь двух городов — Тюмени и Тобольска. Потому на их землях, ни их богатства равные счету ничего не значат без хорошо налаженного транспорта. А уж дополнительно известно: ящичников транз — самый быстрый и надежный путь.

По тем временам, разумеется.

Если рассмотреть еще несомненно слое в истории этого края, то окажется, что во все времена дорога в западных местах играла роль определяющую. Она первой решала: быть или не быть? Или поехать в город и поселению, а если и быть, то в каком ранге ходить. Официальные бумаги на себя счет принимались поэме, как говорится, «плат фантум», и только подтверждали сложившееся положение...

Когда сейчас говорят «Тюмень», чаще всего имеют в виду не город, а всю область. В таком перенесении имени есть свой смысл: этот малонаселенный и разбросанный край, некогда раз-

ЛЕОНИД ПЛЕШАКОВ
фото Альберта ЛЕХМУСА,
Василия МИШУНА,
Сергея ПЕТРУХИНА,
Виктора САККА,
Владимире ЧЕШВИДИ

ОГИ ТЮМЕНЬ

щенный непроходимостью своих территорий и их экономической бесхозяйностью, с открытием невиданных запасов нефти и газа постепенно, но последовательно превращается в единый монолит, который уже теперь можно осмыслить только как единое целое. С годами эта монолитность края станет еще бесспорнее. Будущая Тюмень — главная энергетическая база страны. Главная кладовая нефтяного сырья. Станет она и крупнейшим центром нефтехимической промышленности.

Если коротко назвать определяющую особенность нынешней Тюмени, то, пожалуй, вернее всего сказать: Тюмень в пути, Тюмень в поиске. В поиске своей себя, в осмыслении своего будущего и своей роли в будущем страны. Как ни велика была радость от грандиозности открытий, время опьянения ими давно прошло. Настал час трезвого расчета и принятии самых оптимальных способов использования богатств. Настал час детального изучения уже накопленного собственного опыта.

Казалось, давно ли принято постановление, определявшее добычу нефти в Западной Сибири в 1980 году до 230—260 миллионов тонн! А этим летом тюменцы говорили мне, что есть реальная возможность эти цифры немного перекрыть: бюджет 300 миллионов.

В последнюю командировку я спрашивал у своих собеседников: что самое трудное в работе? И они, партийные, советские, хозяйственные руководители, назвав целый список стандартных и специфически тюменских трудностей, все-таки приходили к одному: больше всего «режет» транспорт.

Дело не только в огромных расстояниях, их труднопроходимости. Даже не в дороговизне перевозок, когда четвертую, иногда третью часть в стоимости работ составляют расходы на транспорт. Главная сложность тюменской дорожной схемы в том, что не всегда заранее удается подсчитать, где и когда транспорт подставит ножку. А то, что подставит — тут уж сомнений нет.

В прошлом году и начале нынешнего самой горячей «точкой» области было строительство газопровода Ишим — Пунга. Его закончили в маю Первомай, нанятого сократив проектные сроки. Сейчас «огненный рубец» — нефтепровод Самотлор — Усть-Балыш — Иурган — Уфа — Альметьевск. По расчетам, двухтысячечиллометровую стальную нитку в 1226 километров толщину нужно строить четыре года. В Тюмени думают закончить за год с небольшим, в апреле семьдесят третьего. Иначе Самотлор задохнется от своей мощи. Ведь и нитку плетилась только это месторождение должно выйти на рубеж 60—70 миллионов тонн в год.

Но даже при таких темпах строительства нефте- и газопроводные магистрали, видимо, не успеют за добычей.

В пятисоткилометровой трассе Надым — Пунга был участок, где уложили трубу необычного, ни где в мире еще не испытанного диаметра — 1420 миллиметров. Это не только на 200 миллиметров больше остальной нитки — такая труба позволяет гнать газ при повышенном до 90 атмосфер давлении, что вдвое увеличивает пропускную способность газопровода.

Этот столбикометровый участок — своего рода опытный полигон газовых магистралей будущего. Но даже они не успеют пропустить все «голубое топливо», которое скоро хлынет на запад страны с болотистого гималайского севера.

Прошлогодняя фантастика диаметром в 1420 миллиметров — сегодня не только реальность, но и в определенной степени запрограммированная отсрочкой на 10—15 лет реальность. И хотя еще не сварено целиком ни одной нитки такого внушительного сечения, мысль ученых и практиков измого опережает события.

Что, если газ сминать на месте добычи и тазить гнать по трубе? Тогда пропускная способность магистралей в пересчете на условное топливо увеличится во много раз. Или сжигать его в топках специальных северных электростанций, а энергию передавать по проводам? Есть более оригинальная идея: пустить его по тончайшему большому диаметру, прорытому в толще глинистых отложений.

Фантастика! Сегодня — да. Завтра — как знать. Ведь не кажется фантастичной, что нефть Приобья придет в Чехословакию, Венгрию, ГДР. Появись уже в следующем году, когда труба Самотлоор — Альметьевск состыкуется с нефтепроводом «Дружба», образовал стальной путь длиной в пять с лишним тысяч километров. Ведь не кажется фантастичной транссибирская нефтяная магистраль, что протянется к самому Тихому океану. Взгляните на карту: где Тюмень, а где Махачкала. Впечатляет.

Но что эти планы стали реальностью, чтоб год от году становился мощнее поток нефти и газа ИЗ ТЮМЕНИ, уже сегодня, сейчас В ТЮМЕНЬ идут трубы и буровые установки, цемент и горючее, металл и стекло, консервы и школьные учебники, рельсы, бульдозеры, автомобили и нежная ладская черешня. Тянутся по тюменским рекам караваны осанитых барж. Завывают в небо самолеты и вертолеты. Мощные грузовики катят по современнейшим бетонкам. А другие их собирают, по брюхо плюхнувшись в мидную кашку разнородных дорог, острожные мануэляют колесами зыбкую опору утонувших лежнегов.

И все везут, везут, везут...

Все севернее подают свой голос локомотивы, впервые забравшись в такую глухомань. Пока что они работают в основном на себя: ведут дорогу от Тобольска и Сургута. Открыто рабочее движение до Демьянки. Скоро Сургут. А там уж и до Нижневартовска, Стрежевого рукой подать.

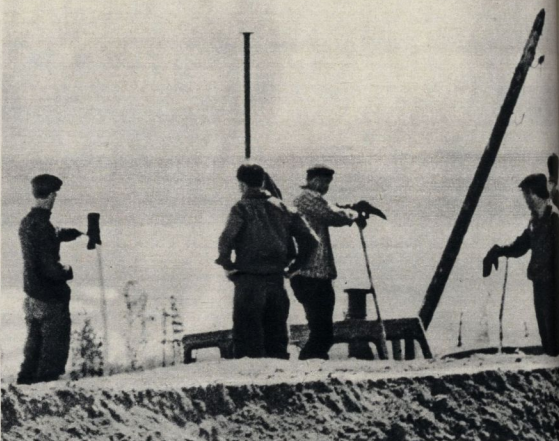
Так уж случилось, что век вертолета пришел на Среднюю Обь раньше, чем век железной дороги. Авиация опередила транспорт самый надежный и менее всех подверженный капризам природы. Но придет время, и ему ходить в именинниках.

Пока стальные рельсы пробираются топкими сыпучими горфинанками, не грех взглянуть на многие годы вперед. Ну, хорошо, проведем железную дорогу в Стрежевое. Ведь логично пойти и дальше — к ветке Асино — Белый Яр, чтобы Средняя Обь получила сразу два выхода на транссибирскую магистраль. А Сургут? Неужто он так и останется станцией только на ЭТОМ пути! Не отсюда ли начать бросок на северо-восток, в низовья Енисея, к рудам Норильска и Талнаха, лесу Игарки! Да к ним ли одним! В том направлении лежат и перспективные на нефть и газ территории. Их время еще не пришло лишь потому, что нет к ним надежных дорог. Посмотрите, как своеобразно расположены уже открытые месторождения. Ждутся они по большей части к рекам. И вовсе не оттого, что в речных поймах особые геологические структуры, подходящие для скапливания нефти и газа. Обь, Надым, Пур, Вах, Балык, Таз, Аган, Конда, Юган, Хетта — единственные дороги, по которым геологи могли забрасывать свое поисковое и разведочное оборудование. Только от созданных на речных берегах баз они, как от печки, могли плыть в глубь болотистого «материка». Но далеко ли уйдешь от своих речных баз, если многие на них всего на два месяца в году судосходны, если их плаводки так нелегко сопряжены, что завод грузов в нужную точку часто растягивается на две навигации!

Издревле жизнь в этом краю растеклась по рекам, потому что во все времена водный путь был главной дорогой. А спросите сейчас любого хозяйственника, доволен ли он работой речного флота, и услышите:

— Какое там! Всю душу вымотает!

Приводят примеры: действительно, не позавидуешь. А ведь речники год от года перерабатывают все больше грузов. И планы растут, и процент перевыполнения планов растет. И флот судами пополняется, и порты оснащаются техникой, а то и вовсе строятся заново. Молодой тобольский репорт по грузообороту обогнал тюменский. Обский берег в Сургуте весь в новых портовых кранах. И все мало, мало, мало.

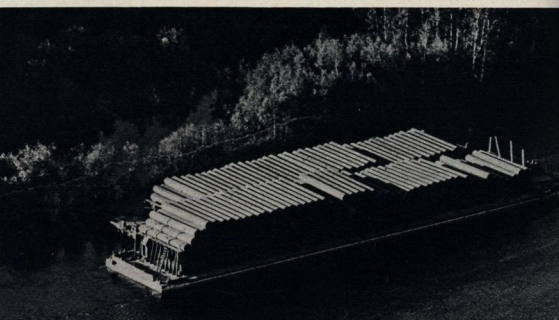

ЗДЕСЬ ПРОЙДУТ ПОЕЗДА.

ТОЛЬКО САМОЛЕТОМ МОЖНО ДОЛЕТЕТЬ.

НА СЕВЕР, ВНИЗ ПО РЕКЕ.

Самая характерная черта нынешнего томенца — он легок на подъем. Дорога стала для него его естеством. Но не таинственность дорожки далеки, не ее неизведанность заставляет томенца скривиться в пути — осознание необходимости ведет его за ручку и старту самолета, в грудующее черное «М», аттискаясь в нузов перелетнутой попутки, в тальную сольветель гусеничного вездехода, которая на местных поделках подвывает и уютно прилестом не шум онезданного штора. Эта осознанная необходимость, да постельная перемена метеосудов, да всякие случайности, номи там богат Север, выработали особый характер у здешнего пассажира. Он не суетится, тревожится, асиные дорослые сорпирасы встречает с философским спокойствием. Если его рейс, на неопределенного тумака в аэропорту назначения, он не бежит и диспетчер, не треплет билетом, не кричит кахсадо, мол, где начинается Аэрофлот, так кончается порядок. Он не докладывает ничего, что сделали бы его коллеги по несчастью в Москве, Тбилиси, Киеве или Сочи. Ветер — это ветер, размышляет он, и туман — это туман, и нечистая вода он достает комодом, и через минуту на приборной крышке дежидно уже забавляет первый носок». Игра прегутейшая. Но для северных дорог — первое средство спасти отрицательные эмоции.

А сколько встреч на этих дорогах, какой только информации тут не насыщались! Кажется, заветы на неведомо неподалеку гребнебука в Сургуте, Нижневартовске, Увате или Салехарде, и потом на одном только беседах с попутчиками сами себе раздалась.

Этим именем я на поляна «подлеска» в Сургутском аэропорту. Вместе со мной «загорали» двоеские садегаты, отпущенный из Медвега, снабженный всех рангов, артиста Мосончерга, инайтоевой поембу из Медвегаанска, который спешит в Тюмень на свадьбу соседа, и даме касир, везущей на Большой Салме строительные доски зарплату. За эти подполня я узнал: сколько зарабатывают студенты за тригити семестр, как превращены в Тюмень, разбросаны от Стреленого до самого Нижнеганского, почему таинственна кадра на Демьяна моста, немелки на Салме, отчего нефтяные скважины в Прибыле можно эксплуатировать только со штурдером, хорошо ли отметал ирчу этой весной остр, будет ли осенью мусуни, разрешат ли охоту на уток, когда начнут строительство «вертной дороги» и почему, нужны ли Тюмени доросляки, и что от них можно ждать.

К авантюрам в Тюмени относятся с нескрываемым восхищением. Далеко спережили: речники и железорудорники. Геологи, нефть-и газодобитчики, строители же просто говорят: без авантюризма не было бы ничего. Поэтому почетом и наградами в дни побед отмечают не только тех, кто искал нефть и газ, бурил скважины и варил трубы, но и воздушных извозчиков. Заслужили.

О своих достоинствах они и сами имеют склонность. В 1971 году Тюменское управленческое гражданской авиации вышло на первое место в Союзе по обслуживанию нужд народного хозяйства. Каждый год объем работ увеличивается

процентов на 30, и, хоть приходит много новой техники, справиться со всем не удается. И тогда на помощь тюменцам летят вертолеты из Москвы, Ираны, Восточного Сибиря, республики Коми, Киргизии, Туркмени. На долю прикомандированных приходится третья часть работ. Экспанжи из других краев едут сюда охотом. Манит не столько северный коэффициент, сколько стабильный, хороший налет и богатая практика. Один сезон работы при сложных метеосудовых Тюмени, при монотонности пейзажа, затрудняющего визуальную ориентировку, при редкой сети радиостанций и ненадежности прогнозов, один такой сезон равен академии.

Ну, а коренные томенцы «плашут тут в год в год. Можно было бы назвать те десятки миллионов рублей, что каждый год «всоевмат» здешние летчики. Рубль конкретен и убедителен, но рассмотренная через его призму картина не всегда впечатляет. Владимир Михайлович Кулешов, начальник Тюменского управления гражданской авиации, показал мне список организаций, по чьим заявкам его самолеты и вертолеты будут перевозить грузы в этом году — 27 страниц убористого машинного текста. Есть уголки, куда никто, кроме вертолетчиков, не сможет завести даже пугачицы.

Как выплывает это объяснение нужд народного хозяйства?

Приведу только один пример, рассказанный мне Игорем Шаповаловым, управляющим комсомольско-молодежными трестом «Тюменьгазмотан». При строительстве газопровода Надым — Пунга важно было не только сварить пятидесятиметровую трубу, но и построить на самом Медведем месторождении газосборный пункт (ПГ-2) — громадное промышленное сооружение с современным оборудованием, где полученный из скважин газ подготавливается и транспортируется. Строило ПГ-2 семнадцать специальноорганизованных организаций, и на долю треста прихвлялась четвертая часть работ: монтаж котельной, оборудования, переноска и стен главного корпуса.

В январе стройка вступила в ту стадию, когда сест предельного времени ведется уже на дни и часы, когда разобларенные рангом и челед месяца начинают навешивать штурмом. И только монотонный яробе бы не торопились, будто заручены целью сорвать назначенные сроки. И вот, когда морозы сновали окрестные болота затаили в Тюмени на Медведем полетели «АН-12». Они вели контейнеры с алюминевыми панелями, узлы установок. Все было так четко организовано и отлажено, что собранный на тюменском заводском черном металле установившаяся и монтировалась на попоможеню ему месте, на ПГ-2 за 1600 километров от областного центра, в течение 250 «аэромиски» рейсов влетели в «нопечку»: полтора миллиона рублей. Но это как раз то, что тогда время в бухгалтерском смысле — деньги. При традиционных методах работы его потребовалось бы на месяцы (а то и год — полто-

ра) больше. А это миллиарды кубометров газа. И стоит один подороже полтора миллиона рублей.

Подобные примеры можно бы продолжать и продолжать. И все-таки помните! «Больше всего режет транспорт».

Любопытна иллюстрация. Этим летом на стройках Тюмени работало 16 тысяч студентов с Украины, Мдали их тут с нетерпением. Годом на рабочие руни еще велики. Привую запись своей беседы с начальником студенческого штаба Вячеславом Батовским. Произошла она за несколько дней до приезда основной группы студентов в Тюмень.

Слыши, Слава, что самки сломена в работе штаба?

И слышу знаменое: — Транспортные проблемы. А отсюда — снабжение объектов обучеваем всем необходимым. В Надыме, например, будут работать 1 600 ребят. Главная задача — нулевые цели. Нумен цемент, а его в поселке сейчас всего 300 тонн, и прибьюто студентов будет ноль. Правда, инженеры отряда уже занимаются снабжением наших строек. Мы разослали своих представителей в крупные точки: перавали и отправления грузов: Тобольск, Свердловск, Новосибирск, Омск, Томск. Мандую ночь ребята выходят на связь и сообщают о положении дел, что удалось вывезти, что отправить, где в слуге нужды мы должны принять экстренные меры. Уме многов сумел достать.

Проблема, ставшая лишь эпизодом в жизни студентов, — для здешних хозяйственников постоянное состояние их бытия.

Нет нужды доказывать, что транспорт, дороги для народного хозяйства — все равно что кровеносные сосуды для человека. Пока есть ток крови — и различным его органам подается кислород и питательные вещества. Перехватите сосуд — начнется отмирание тканей, а то и наступит смерть. Так и транспорт. Разработайте и опробуйте самые экономичные транспортные схемы, заставьте хозяйственников не приютю или невеста отсюда свальщешее хобби — нумда. Они знают: стоит в каком-то месте оборваться непрочной транспортной ниточке — «полетят» снабжение, план, сдача объектов со всеми вытекающими последствиями. Мест и способов обработать эту нить много. Вот и колются, вот и муарят. Мои раз в ущерб основным делам.

В блестящей воздушной операции, проведенной при строительстве производственного корпуса на ПГ-2, большая доля славы принадлежит не авиаторам — монтажникам. Обеспечили четкую сборку узлов, подвоз их в тюменский аэропорт, погрузку в самолеты для чего были построены трейлеры-тележки и специальные съездные трапы — выгрузку на Медведем. Авиация велла оборудование «только» по воздуху, в главные хлопоты были, как ни странно, на земле, в выпиле они даю треста «Тюменьгазмотан». Если в схеме доставки «воздух» заменить «водой», то от этого

ГОЛУБАЯ ДОРОГА.

ни роль, ни работа треста не уменьшаются. По-лучить «посудину» — только поддела. Нужно еще «выбить» плавучий кран. Нужно своими силами на берегу Туры, за городом, оборудовать автоспущи и причалы, организовать бригады грузчиков, автотранспорт, обеспечить хранение грузов. А потом, по прибытию их на место, проделать всю эту работу в обратном порядке. Причина: речной порт не успевает переработать весь поток грузов, и хозяйственным вынуждены заниматься дорожающей самостоятельностью, сообразуясь со своим опытом, умениям, связям.

Любопытно, что каждая из 17 организаций, строивших ПТ-2, была узкоспециализированной. Одна вела земляные работы, другая — монтажные, третья — варила трубы, четвертая — была сваям. И никто не вмешивался в дела соседа, считая, что тот специалист в своей области и знает свое дело лучше. И только область транспорта и снабжения оставалась сферой, где каждый считал себя докой, стараясь показать, на что способен. И получилось, что срочный груз застревал в пути, а то, что потребуются через год, оказывалось на строительной площадке. Одни все время авралами, другие работали с завидной ритмичностью.

В Сургуте я долго беседовал по этому поводу с Игорем Кирибаем, начальником мехколонины № 14 треста «Уралэлектрострой», которая строит в Среднем Приобье линии высоковольтных электропередач со всеми сопутствующими объектами: подстанциями, релейной защиты, инвильем, распределительными устройствами, дорогам, канализацией, водопроводом и даже полями орошения.

Годовая мехколонинонцев — 180-метровые опоры электроперехода через Обь, которые в ясную погоду видно километром за пятьдесят. Ставят они маяки из металла и железобетона, на монолитном фундаменте и на сваях, по болотам и тайге, ведут линии разного направления к молодым нефтепромыслам, новым промышленным предприятиям, в те места, где только предстоит открытие. Расстояние между объектами 50—100, а то и 400 километров. Практика для инженера — лучше не придумаешь. Но мы говорим с Кирибаем не о ней, не о его докладах на научно-технических конференциях, ни о кандидатской диссертации, которую он готовит, — о транспортных его мистификациях, горючих мы.

За мехколониной № 14 почти постоянно закреплен вертолет. При специфике ее работ вертолет — истинное спасение. Для ее начального обслуживания вертолета — suffice проиллюстрирует. Что обеспечить машину горючим на весь зимний сезон, мехколонинонцы берут на отстой баржу-танкер на 1800 тонн, что обходится в 150 тысяч рублей. И баржу нужен сторож и рабочие, которые метлой «Дружба» всю зиму опаливают вокруг баржи обсыпав лед, чтоб тот не затер и не попорчил ее. А еще нужно проложить трубопроводы для забора горючего и дороги для бензовозов. А еще платить штрафы пожарной инспекции, которая всегда находит несоответствия нормам. А еще

спорить с рыбацкими и органами охраны природы, которые находят на льду платна горючего и тоже штрафуют уже во имя спасения окружающей среды.

Но до весны горючего все равно не хватит и тогда начальники мехколонины звонят знакомым и в обмен на вертолет предлагают другой дебри. Когда для вертолетчиков нет работы, он все равно должен давать им ее. Коты воздуха воти, а что саннорна была, чтоб плавильный илет был, а и чальники мехколонины — холми. Ему можно броси на ветер деньги. Отпустить вертолет на зиме-тоже нельзя. Ведь вертолет, как птичка: выпустил из рук — не поймать. Вот и бегают они по дорожке: не нужен ли вертолетик на неделю. Посочтется.

Вообще авиации иной раз выдает такие шарики — голову сложовши, а до смысла не добравшись. Возмля мехколонинонца какому металлу из Сибирского завода в Нижневартовск. Вместо полновесных и легитимных тонн самолет на обратный рейс, так как Нижневартовские заправляют чужой «борт» не своим, а чужим топливом, и лимиты на топливо у каждого свои. Зато и свердловские «борты» имеют обратную тысячу верст: поролоним, летим, а вертолетик на неделю. Посочтется.

Все можно понять. Все можно объяснить. Есть трудности, порожденные климатом, непостижимой транспортной схемой. Есть издержки роста, обильные по количеству, потери от приваки работы по старинке. Но есть еще и элементарная человеческая застенчивость, нежелание думать. Мы научились считать рубль, оценивать простой машин. Но жизненный опыт, творческую мысль специалистов пока в грош не ставим. Кто подсчитает, какой убыток мы терлим, когда человек, способный выдать блестящие технические идеи, тратит свое время на то, что выключивает пять тонн керосина, организует погрузочно-разгрузочные работы, а вертолетик на время «своей» безработной вертолет. Идем-то тоже денег стоят!

Боюсь оказаться неверно понятым, поэтому сразу огорюсь: я вовсе не хочу обвинять во всех грехах только работников транспорта. Обязанности рады могут привести массу примеров, когда клиенты своими немудрыми или неразумными действиями ставят подножку и соседям, и транспорту, и себе в том числе. Но разговор сейчас даже не о том, кто виноват больше, кто меньше. Речь о тех случаях, когда виноваты всеобщие. Ведь многие примеры, о каких говорилось выше, не шли вразрез с существующими инструкциями и положениями. Просто парagraфы эти инструкции не вписываются в специфику помесских условий.

Дорожные схемы здесь так сложны, а зависимость от перевозок так велика, что решение все

проблем требует нового организационного подхода. Пока каждый вид транспорта решает только свою собственную проблему, все они подобны пальцам разбитой руки. Если сжать в крепкий кулак, они становятся силой. Кто цементирует их, объединит интересы, какие права и обязанности должна иметь эта новая организация, какому ведомству она станет подчиняться? Будет ли она действовать как чисто посредническая организация на хозрасчетной основе, нечто вроде агентства или же станет полновластным хозяином всех средств передвижения в Тюмени, своеобразным транспортным главоком! Все это не простые вопросы. Одно ясно: вновь созданная организация должна в совершенстве владеть организаторским мастерством, иметь высококвалифицированную диспетчерскую службу и налаженную связь.

Предвижу возражение: новый орган — новые расходы. Конечно. Но все они окупятся одной только экономией средств, которые сейчас расстраиваются без особой пользы.

Есть еще «но»: как объединить транспорт, относящийся к разным ведомствам! Наверное, следует взять за пример опыт Министерства связи.

Чтобы отправить посылку на Жернерки куда-нибудь на Камчатку, на почте нужно только оплатить транспортные расходы и услуги. Без участия клиента посылку повезут железной дорогой, перелетят на вертолет, самолет или даже оленей. Бенефициар в самое ближайшее к адресу отделение связи и своевременно сообщает о ее прибытии.

Такая схема была бы идеальной и для тюменских хозяйственников. От них требовалось бы только одно: одновременно сдать подробную заявку, указав в ней вес и габариты груза, его срочность, адрес отправления и назначения. А агентство (условно назовем его так) уж само определит и подсчитывает бы, как и каким транспортом дешевле и быстрее доставить его, где произвести перегрузку, где подстраховаться складом. В таких условиях клиентам останутся только их непосредственные дела и заботы: строители будут строить, монтажники — собирать промышленные установки, энергетики — вести ЛЭПы. Они будут спокойны за свои тылы, так как снабжение будет находиться в надежных руках.

ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ — ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ.

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ СИБИРСКОЙ СТОЛИЦЫ

С первым секретарем
Тобольского горкома КПСС
Геннадием Иосифовичем ШМАЛЕМ
беседует
специальный корреспондент «Смены»
Леонид ПЕТРОВ

Фото Мирослава МИХАЙЛОВА

— Если бы спросить жителей любого города страны, что они знают о Тобольске, я уверен, большинство вспомнило бы немало фактов из четырехвековой истории первой столицы Сибири. А вот о его настоящем наверняка рассказали бы немногие. Не в обиду тобольчан будет сказано, но их город так основательно отошел на второй план, что даже грандиозные тюменские открытия последних лет вроде бы прошли мимо него. Гремели Шам, Сургут, Нижневартовск, Надым, Уренгой. А Тобольск все оставался в тени. И к этому привыкли. Но вот Директивы XXIV съезда КПСС намечают строительство в Тобольске крупнейшего в стране нефтехимического комплекса, оснащенного по последнему слову науки и техники.

Почему выбор пал именно на Тобольск, почему он станет столицей западносибирской нефтехимии?

— Решение о тобольском нефтехимическом комплексе принято, разумеется, не вдруг. И обосновано очень многими экономическими факторами.

В 1974 году Западная Сибирь выйдет на первое место в стране по добыче нефти. К 1980 году она станет давать уже 45—50 процентов общесоюзной добычи. При этом ресурсы углеводородов, которые сейчас безвозвратно теряются, оцениваются в 13—14 миллиардов тонн.

Конечно, все это сырье можно было бы отправлять в традиционные районы химической промышленности. Но глубокая переработка нефти нуждается в колоссальном количестве энергии. Например, одна тонна сырья требует три, пять, десять, а то и больше тонн условного топлива. Расходы на его транспортировку окажутся грандиозными. Но Тюменская область к тому времени будет давать стране две трети природного газа и, естественно, не будет испытывать энергетических затруднений.

В технологии химического производства большое значение имеет вода. Многие районы страны уже сейчас испытывают в ней недостаток. В Сибири воды хоть отбавляй.

Создание химических комплексов требует больших площадей, для чего часто берутся из сель-

скохозяйственного оборота плодородные земли и угодья. У нас немало земель, на которых безболезненно можно строить промышленные объекты.

— Но это можно сказать о многих городах Сибири, а выбран все-таки Тобольск.

— Нашему городу повезло с транспортом. Он стоит на берегу могучего Иртыша, поэтому связан водой с любым портом Обского бассейна. Недавно к нам пришла железная дорога. В нескольких километрах от Тобольска проходит действующий нефтепровод Усть-Балык — Омск. Тут же проедет и сооружаемая сейчас магистраль Самолгол — Аалметьевск. И в дальнейшем ни один трубопровод западного или южного направления не минует наш город.

Недалеко от Тобольска до Усть-Балыка в Нижневартовске, где будут построены газобезопасные заводы, продукты которых могут использоваться в химическом производстве.

Буквально рядом с городом проходит АЭП-500, подводящая электроэнергию Тюменской ТЭЦ в Средне Приобье. С пуском Сургутской ГРЭС из этих же проводов начнется подача энергии в обратном направлении.

Так что все экономические показатели «гомоусу» за Тобольск. Расчеты показали, что себестоимость производства нефтехимических продуктов в нашем городе будет на 8—10 процентов ниже в сравнении с европейскими районами страны. К тому же в Тобольске прекраснейший климат, великолепная природа, что совсем небезразлично для его будущих жителей. Наконец, наш город — родина Дмитрия Ивановича Менделеева. Так что нам на роду написано быть химиками.

— Что же будет представлять собою Тобольский нефтехимический комбинат?

— Прежде всего это комплекс заводов, где нет повторений одноклассных процессов. По генеральному плану тобольский гигант является разрабатывается как единое предприятие. Высокая специализация и концентрация производства, централиза-

ЮНОСТЬ ДРЕВНЕГО ГОРОДА.

Мы сразу хотим строить его часто и хорошо. Нам нужен красивый, современный город с широкими улицами и площадями, с грамотными решениями архитектурными ансамблями. В то же время мы не хотим, чтобы высокие здания создавали городость тобольков — стоящий на высоком берегу Иртыша доломанный кремль, единственный каменный кремль во всем Зауралье. Будущие наши архитекторы должны найти гармоничные пропорции современной и древней истории города.

— Согласитесь, эту задачу не так просто осуществить. В будущем году начнется строительство комплекса, а вместе с ним начнется и стихия: жилье, сады, детские сады нужны будут сегодня, сейчас, а не в туманном, хоть и красивом, завтра; и начнут сооружать то, что побыстрее даст квадратные метры.

— Такая озабоченность есть. Но, думаю, она преодолима. Тобольск — город-памятник, и генплан его должен утверждаться Советом Министров РСФСР, так что на пути ведомственной строительной анархии стоит надежный заслон. К тому же мы попытаемся уредить событие. В январе-феврале будущего года мы созовем конференцию, на которую приглашаем строителей, архитекторов, художников, скульпторов — всех, кому дорого прошлое и будущее Тобольска, всех, у кого есть интересные проекты, идеи, предложения, планы. Будем спорить, обсуждать, отвергать, принимать. Будем выкристаллизовывать самое лучшее и рациональное. Внимание всему гарантируем. Хочу, чтобы каждый, у кого есть деловое предложение, интересная мысль по поводу застройки Тобольска, воспринял мои слова как официальное приглашение прибыть на эту конференцию.

Комсомольцы и молодежь научатся шефствовать над учеными промышленными стройками. Настала очередь шефства над архитектурным обкомом строящихся городов. Пусть древний Тобольск станет первым в этом смысле.

еще древний Тобольск. С шестидесятью тысячами жителей. Каким он станет в будущем?

— Начну с шифр. Нефтехимический комплекс обойдется более чем в два с половиной миллиарда рублей. Чтоб планомерно освоить такую сумму, потребуется создать мощную строительную базу примерно с 20 тысячами рабочих. Тысяч семидеять будет занято на самом химическом производстве. Утрате другие предприятия. Так что будущий Тобольск — это город с населением в четверть миллиона.

Но это не будет механическим увеличением нынешнего Тобольска в четыре раза. Вместо деревянных домов тут вырастут современные многоэтажные здания. Основное население города составят молодежь, нужно будет учесть и эту особенность: строить побольше яслей, детских садов, общежитий, квартал для малоимущих, Дворцов культуры, спортивных комплексов, кинотеатров. По той же причине здесь нужно открыть сначала техникум, затем создать в единственном химической факультет, чтоб в дальнейшем открыть химико-технологический вуз. Нужно будет создать профессионально-технические училища. Короче, город должен готовиться для себя собственные кадры и создавать этим кадрам условия для жизни, учебы и труда.

— Но сделать это будет не так-то просто...

— Конечно. Мы преидали все трудности. На наше счастье, Тобольск вышел на большую нефтяную орбиту во вторую очередь, поэтому мы можем учесть горький опыт Сургута, Нижнеянг-гольма, Надыма. К промышленным блокам мы проложим сначала бетонные дороги, проведем на них инженерную планировку и создадим сеть подземных коммуникаций. Только после этого мы начнем «сажать» заводские корпуса. Это потребует меньше денег и нервов.

И в городе мы поступим точно так же. Мы, Тобольск, не хотим краснеть перед будущими поколениями за город, который оставим после себя.

ция обслуживания и ремонта позволят с большим экономическим эффектом применять автоматизированные системы управления отдельными технологическими процессами и всем производством в целом. На Тобольском нефтехимическом комбинате намечено вырабатывать синтетический каучук, пластические массы, минеральные удобрения, продукты нефтепереработки.

Первая очередь строительства — центральная газифицирующая установка (ЦГУ) и завод синтетических каучуков (СК). Тобольский ЦГУФ и Производство искусственных каучуков у нас будет одним из крупнейших в мире.

Во вторую очередь намечается построить широкую установку мощностью 600 тысяч тонн этилена в год. Здесь же будет организована переработка этилена в пластмассы самых различных видов: для труб, пленки, кабелей, строительных материалов и конструкций.

В составе Тобольского комплекса намечено построить и нефтеперерабатывающий завод, который даст народному хозяйству высококачественное автомобильное, дизельное и авиационное топливо. Помея о своей стеновой промисле, мы будем вырабатывать горючее для арктических районов нашего Севера.

Я назвал основные производства, строительство которых уже предусмотрено генеральным планом. Но мне кажется, что этим делом не ограничиться. Уже «прорисовано» нам завод химической аппаратуры. Мы не против. Это не только облегчит оснащение комплекса химическим оборудованием, но придаст промышленности города ошеломляющий мажоритарный оттенок. Во всяком случае, промышленный кластер — она находится в 12 километрах от города — выбрана так, что в дальнейшем ее можно будет расширить, «сажая» новые заводы и производства.

— Мы с вами все время говорим о промышленности, о миллионах тонн сырья, которые она перерабатывает, о продукции, которую даст. Но есть ведь

Эх, калинка, калинка,
Калинка моя...

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МИНИАТЮРА
«РУССКИЙ СУВЕНИР».

Андрей БАТАШЕВ,
Мирослав МУРАЗОВ [фото]

ВЛАДИМИР ЗИЧЕНКО, ДИРИЖЕР
И АРАНЖИРОВЩИК

Восьмь лет назад в Москве пофотили оригиналов из знаменитых эстрадных коллективов «Ровесники». Этим название участников хотело подчеркнуть свою связь с новоязычной историей Тюмени. Сказать о том, что ансамбль — ровесник большой тюменской оперы, что ритм их музыки определяет ритм гражданского строительства, которое идет сегодня в этих местах.

«Ровесники» — весьма предстательный коллектив. В него входят эстрадный оркестр, танцевальный труппа, ансамбль скрипичной вокалы, во-инструментальные составы — в сумме 120 человек. Руководит «Ровесниками» известный в Тюмени музыкант, председатель областного хорового общества, преподаватель музыкального отделения Тюменского государственного университета А. И. Анберман.

ПОЧЕМУ СЧАСТЛИВЫ "РОВЕСНИКИ?"

ВЕСЕЛЫЕ
«ПОЖАРНЫЕ».

ТАНЯ ШЕВЕЛОВА
ПОЕТ РУССКИЕ ПЕСНИ...

— Оркестранты были в черно-красных костюмах. А у рампы прохаживалась небрежной своей походочкой Владимир Зинченко. И вот остановилась. Его уловимое движение правой руки — будто небрежно взмахнул живой зеленой веточкой — и сразу во всей спелой конструкции возникла звуковая конструкция и, проверив себя на форте, мгновенно трансформировалась в новую гармонию...

Они играют, а в моей памяти еще звучат их рассказы о концертных поездках:

— Строчка на Севере громадна! Стальные трубы «Антеям» доставляют...

— Дороги те еще... Наши инструменты до кюбуа на тракторах пришлось везти.

— Ехали к строителям, которые через Сурут мост сооружают. И теплотехники ищут на мезе сел. На руках перетягивали... Успели на концерт...

С 1965 по 1972 год «Ровесники» дали свыше 1 200 концертов для нефтяников, строителей, теологов.

Маршруты ансамбля прогнулись на тысячи километров на Север, до самого Салехарда.

Да, если каждым нервом своим ты ощущаешь энергию, рвущуюся из недр земли и из тибет души, то будешь играть именно так: точно, умеренно и мощно. Разумеется, если умешь играть. А поскольку конкурсы в оркестре самые жестокие, попадают в него, естественно, исполнители, которым неважно подчеркнуть скромностью манер прикрывать профессиональную слабость.

Все было по-настоящему и всерьез. Звучание труб, тромбонов и саксофонов было столь же сильным и неразделимым, как сдвинутые рук воздушных гимнастов под куполом цирка.

— Оркестр стих, и тенор-саксофон Владимир Кожевин с беззаветной смелостью ринулся в лабиринт импровизации.

Владимир Кожевин недавно на отлучке закончил Тюменское училище. Его педагогом был тоже солист «Ровесников», кларнетист и

саксофонист Станислав Кроваткин, получивший в этом году диплом Новосибирской консерватории. Коженин и Кроваткин не исключение. Большинство музыкантов оркестра имеют среднее и высшее специальное образование. Впрочем, это становится важным только в первых же тактах... Репетирует эстрадный оркестр ежедневно по тридцать часов, а уже Владимир Зинченко занят музыкальной едой даже не краткие сутки.

— Услышав на пластинке или по радио поправившемуся ему вещь, — говорит мне В. Коженин. — Волею судьбы ночь полна, заливается, аранжирует ее (у него абсолютный слух), а потом свежий приход на репетицию и улыбается оркестрантам:

— Я вы не жужжите! И был на репетиции и смог убедиться, что у Зинченко все действительно получается с такой легкостью, что кажется — идет в тебе выйти на эстраду, дать знак оркестрантам, и тоже зазвучит музыка. И все будет легко, без усилий — словом, как у Зинченко. Когда кто-то из исполнителей не может сыграть, слово у Владимира в ту же секунду внаекает сложнейший пассаж, где, как говорится, и самый техничный импровизатор ногу сломает... Наставив таким образом несколько человек, он выходит на эстраду, и Зинченко как ни в чем не бывало продолжает репетицию...

Говорит он о себе в той же манере, привыкшаяся, и в то же время вытязная из собеседника что-то интересное для него, Зинченко.

Я рассказываю ему о московских артистах, а Владимир вспоминает, как сам пришел в Москву. Его отец — авиаинженер — погиб в сорок третьем во время авиационной катастрофы. О том, чтобы Владимир начал заниматься музыкой, позаботился только некому. Он с младшей и братом жил в деревне. Играть начал с пяти лет, на всем, что попадало под руку. Сначала на гармошке, потом на баяне, на мандолине, гитаре... Пробовал играть на кларнете, но ничего не вышло: не знал, как дуть, а показать было некому. В 17 лет поступил в музыкальное училище по классу баяна, но получил случившуюся травму руки, и учиться пришлось оставить...

Училище, но не музыку. Он вел сам писал, организовал инструментальный состав... В городе не было любительской эстрадной музыки, который не знал бы Владимира Зинченко. И вскоре его пригласили в «Ровесники»...

Танцор ансамбля труппы, на мой взгляд, соперничать с мастерами с музыкантами. Ведь среди них нет людей со специальным образованием. Здесь все держится на природных данных и интуиции. Впрочем, на концерте и убедился, что это тоже немало значит...

Хореографическая миниатюра «Пожарные». И всем в зале ясно было, что этим дупками «пожарным», конечно, нечего делать на настоящем пожаре. Они ведь только и знали, что подбрасывали да подбрасывали в зал искры огня. Насмешливые, веселые и даже чуть-чуть задирные... Четкость, сложность движений исполнителей в групповых танцах, раскованность и вдохновение солистов — все это вызывает восторженный прием зрителей зала.

«Командует» танцором бригадир слесарей моторного завода Георгий Бородин. Он и рассказал мне о концерте в далеком поселке Стрельцово: — Представьте себе поселку в тайге. Дождливый восток на небе и небольшой навес — и все. И комары тучей... Зрители — те кто ветками могут отмахиваться, а исполнителям приходится приносить себя в жертву комарам...

И если даже проливной дождь — все равно концерт продолжится... А после выноса сразу не отступают. Зайдём, мол, степардочку угодим...

Бородин постоянно занимается на курсах хореографии при Доме народного творчества и — что особенно важно — обладает особым талантом: привлекать к работе в «Ровесниках» приезжающих в Тюмень на гастроли профессионалов.

Третье основное звено коллектива — ансамбль скрипичей. Само сочетание этих слов заставляет вспомнить знаменитый ансамбль скрипичей Большого театра. Поинятое дело, сравнивать тюменский самодеятельный коллектив с этим пользующимся международной известностью ансамблем не приходится. Однако играют тюменцы вполне прилично. Очень чисто, с тонким чувством фразировки и красивым звуком. Все скрипичейники учились музыкальным школам и училища. Их руководителем — В. И. Училина добивается скрупулезной точности...

...А тот Владимир Зинченко, который обоем точно так в составе трио, согласился сыграть для нас соло... Он взял баян и запел:

«Вечный ты мой человек!» И вел так, что, по-моему, заставил бы остановиться не только ящичка, но, наверное, и яхота ТУ-144, разумеется, если бы тот его услышал. И еще он говорил о том, как это необходимо постоянно общаться с теми людьми, для которых играешь...

...Я был в Нефтегольском на слете нефтяников Сибири. И уже там нефтяников, что все, есть у меня весьма... И нужно совсем немного, чтобы она заговела. Приехал домой — я сразу написал, за один час. Стихи, по-моему, так себе: сам писал:

Тайга поюрится людям,
И релакс бегут в Сургут,
«Ровесники» в Нарском море
Пролетают дальней маршрут.

А мелодия вроде бы ничего получше... И чего не хватает!

Эх, знавший вот нам явно не хватает! Я поэтому собираюсь поступить в Институт культуры. И еще... Если бы кто немного познакомился у лучших специалистов оркестров, у тех, кто работает, скажем, для Луцкострома и Саульского, — вот это был бы предмет мечтаний... А то каждый из нас до всего своим умом доходит...

Я не представляю, что станут делать руководители ансамбля, если костюмы для «Ровесников» будут доставать какой-нибудь Ада, а инструменты — тетя, если на репетициях с ними никто не будет спорить, а девчонки институт по первому их требованию станут отпускать студентов в гастролирующие поездки...

Впрочем, такая ситуация для «Ровесников» абсолютно исключена. Навероятно напряженная жизнь с бесконечными переездами, концертами и репетициями — единственно возможная для них форма существования. Все они по-настоящему счастливые люди. Доказать это утверждение не так трудно, как может показаться на первый взгляд. «Ровесники» постоянно гастролируют по Сибири. И то, что они делают для себя, они одновременно делают и для своих зрителей. Здесь нет ни малейшего разделения. В данном случае происходит полное совпадение того, что требует «души» исполнитель, с тем, что необходимо его зрителю. Радостное чувство этого совпадения и дарит участникам ансамбля то стойкое вдохновение творчества, которое они называют счастьем.

ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ СУШИ

Вадим ПОЛУЖ

Поэма о колхозе Любе ЗВЕРЕВОН, строившей железную дорогу Тюмень — Сургут

Десять процентов суши! Верьте моему досугу. С «печки» дуэрылой, свергу можете сделать сверку. Ремь смеют автографами, от сел и дорог отгораживаем. Блестят сияют туман призрачным озер голубые зерна. Поснится земля болотным порчиновым полотнам. Рывает в тайге вода. Зудят над водой овода. Людей я зтог ад не втягне. Но ждуг поезда нефтяники. И вот уже парни с девчатами краям над непочтанным для КРАЗов тайгу стригут на трассе Тюмень — Сургут.

Строительно-монтажный поезд

Люди выходят в люд. В люд трогает Любе. Ей трудности силлись, А бы-то однообразиями, Как прядинни. Заройс, как смичный смертный, В будни бутгалтерских нурсов. А цифирь толпой несметной

В Тюменской области десять процентов суши остальное — вода».

(Из разговоров в посёлке Тюльска до Чебу Тама)

в одном из скриничу УРСА. У тещин пёй коматки, санкуй анноград в Бесезде. А кто-то — в тайге работни назло комарам, бед сетки. Пусть стою коность комою, потом раздобыть, как тещот «Снаик, секретарь райкома, куда комсомолке деться!»

Снимаются стройки в перечне и будуще и теперешние. Влекут Казахстан, Приманье, в бедностиам упрена. Для всех прорублена просека, кому развернуться негде. С буваги на землю просится дорога и сургутской нефти.

Приманьясь. Вода да коичи. Причалил. Ждут вагонички. И ребусы сплужб на свах — люди разберись в названья! А в миа тротур не мостили, лишь доски скрипят в настиле. Вещает негласный кодекс: здесь каждый — канатоходец! Парнишка бежит в «большую, соревс — по гудам в болоте. Парнишка, как на прыгун... Вот так до змыи прыгнул.

Знаю сорокаградусной
по топану пропотев радостней.

Приближение вновь поджурки
зубами взывает по кружке:
проснулись — за дверью сорок!
Но лбу прикоснулся — сорок!
Сейчас приведут в медпункт.
Как детям, дадут медку.
Ах, только бы не эта слава,
что со здоровьем слаба!
А Люба приносит сладости:
«Девочки, не бойтесь сладости!»
С рассветом ждала их трасса,
где снова за метры драться.
Вот струны, поймаешь репсы.
Заряна «звуртучка» в репсы.
Оттуда сила бралась
опять разругать балласт!
Участки — чересполосицей.
Упадут ведут молозинцы.
Суров бригадир их Виктор:
«Не в срок перекурнуть! Фиг-то!
Любим он в своей суровости,
в работе не знакомый робости,
и разуме друзьям оплаканный
в Ташкете и в Абаклаове.
Как цех, для него Земля.
Бригада — его семья.
Путь — насыль болотам,
и в розальном веве попользам.
Бригада не знает подыря,
как будто в ней все — Молозини».

И у Любы в приказе премия,
у нее дефицит во времени,
про нее говорят в конторах:
«Десятка, мила зонотика, да дорог.
Все ребята в прикрасье зорком
Любу выбрали: «будь-
комсорголь»

Понцид лишник рук на стройке!
У любого обояка — сроник.
Экскаваторщики не симыхе
да и кавачишники не трогай.
Через мост провалить не с ними ж
Путь по лупотранспометровой!
Люба только надела робу,
вызывает ребят на пробу:
«Собираюсь со мной, кто смелый,
поробовать подыря для смелый!»
Речи соклялись. Спор утх.
Поднялись монтеры пути
и пошли с людами и с людами...
Перед Любой — позор баты
слабыми!

«Я ничуть не устал. А ты как!»
Атанкуот, на насыль забобан...
За версту — перекрут на стыках,
где трещаются Любин шифр.
Льшь когда из хрустящей щации
влез на бровку медведя рычачий,
выс бригада, признаться, замерла:
не ждала такого экзамена.
Погладел он, как бригадир,
и ушел не спеша, с достоинством,
будто справится приходи:
скоро ль путь на Сургу
достроится!

Ночь готовила черней воздух.
Но, смеясь над ее проециками,
лапинисты на леплох, за
изготовили день проецикаторы.
Отступили усталость и сон сам
перед их самодельным солнцем!
Лечь бы замелоты. Но распадок
запер жалобы на — в сьмь.
Проробатали двое суток
по всемангиди чаше!

И пошел через мост акурный
разным утром состав дежурный.

Какой оправдательный лепет
вернул бы ему их веру!
«Главник отомстил мне, Лебедь:
за правду стою не в меру!»
Гудит «гозэмка» орнаивая,
ребят от него отгораживая.
Ждут их пути прорыва.
Одним без него. Влеправе.
Законбались, взвешенные,
престиж его и протуплю.
Платформа, как птица вешняя,
ребят унесла, простужая.
Не братья они, не сестры,
во время без них — трясина...
Вдурт, что это! Вспеть несется,
бежит с попутки дрезина!
Верны они долгу комсомола
настро мюнере главному.
Озлыл вокжак от ста!
«Тебе — значит нас отставить!»
И рыком на бровку Молозини
не вышла бригада Молозини!

Пусть Любим любовь не испытана,
та, что играет людям.
Но подбурствует или спокт она,
сердце горит от любви.
Любим к этой будущей станци,
к поезду, что прокатит,
к студеским песням с танцами,
к бывшей своей бригаде,
к той, что поет «Бригантину»,
когда ей сам черт не брат,
и к лучшему бригадuru,
который сейчас неврап.

Вещает конторщик тучный,
прийдя за окошком тучей:
«Друзья и подружки Любимы
бездепльничают, как лопельны!»
И Люба встала у бровок,
взметнув по-знакомому бровка:
«А ну, подылись, поезали!
Потом разберемся с помехами...»
А спала! Саутулись, выдло.
И все ию сербрит дринован:
«Не вышли им из-за Виктора,
не выдут дела из-за нас!»
За Любой завла справедливость,
за Виктором — пренесный престиж.
Сынцовой радудные диллюсь...
«Прощай, бригадир! Молчашь!»

Посторонний

Он пришел в строймонтажный
будто прибыл к моржам поед,
на полюс,
будто мчался Вася Олейник
не в вагоне, а на оленях.
Завали, что он мастер спорта,
Гудой мускулов куртия спорота,
сам — косяк самвиш в плечах,
и увесистый бас в речах.
За спиной журчит гогорочек:
«Вот такому горю верочата!»

Был за окнами вечер розовый.
Танцам музыке не хватало.
Вышел Толки, Матильда
прозванный,
сам запел и его гитара
Попрощанья девчата танго.
А на них, как на цель трагической,
наступает Олейник танком:
«Эй, Матильда, разин-на шейки!»

Но не дохочет «звать» Матильде,
он о дувесе пел в мангиле.
И Матильда спорбасем ударил.
Тышина. Только стои в гитаре...
Подступил девчата к Васе,
встав в пучок, как цветочки
в вазе.
Ведь Матильда ударить —
подостли!
Ведь обидеть Матильду — стыд!
Раздвая брющую полость,
Вася звал мучасные истыи.
Чуть пристунет чужой верзля,
спрашу лажеш, как древесина.
Тышина вокрут, как в гробу.
Он — к Матильде олять, как
к врагу...

Вышла Люба на хулганга,
спросо карлик на великана:
«Убрався немедля прочь!
Нашу дружбу и честь не порочь!»
Поднялся зорк великанова.
Прорвала в ней лихость и
канула.
Тяжело уходил верзля,
измяченна посприбеще.
Был уверен, что в нем-то сила,
оказалось: за Любой — силца!
Утром был ребята в сборе:
прогонять лихость
из «посторонней»!

Все решилось в недолгом споре.
А решение неизменно.
Винуваты всему собрано
отвечать собирались брашно.
Но потом был готок Олейник
о проценте простот на коленах:
мол, ошибочка, срыя, просчет!
«Но услышал, что не прощени:
«Мне товарищ ты, посторонний!»
Проезная спорбасем ударил.

Первая свадьба

Десят процентов суши!
Кто же здесь ражен-сужек!
Свадьба у Тоин с Ваней
с шифрами и с шифряи.
Мучь донд зельня, кемствя где
достали футр невесте.
Из Увата гоздиши с астрами
по болотам велик, как

в Столовой, как в ресторане,
скатерти растпилили.
Мостки наводили прочные.
Закуску несли и прочье.
Завечери болтали дружные,
скреплялись румн наружненые.

А старый экономист,
сплился гонька на «бис»,
сплянул отдумывинис: «Я-с,
виноватее в имр Туртас!
Заблми мы в онавах
в квартарах многооноинных.
Страна дотсад на свае.
Пьян мы навод на свадьбы.
Давно ли в края наши темные
трудности завлекали!
А скоро в Туртасе рожденные
сваутасы зельнячынны.
И здешняя нышка кого-то
заставит бежать от комфорта».

Люба с подружкой Мариною
вышла в ночь командуру.
Зуммер — над ухом где-то,
но мазь зашмивает, «дзта».
По линии тиске пары
глушот, сонгва шпалы.
Как на трексете людом
при освещенье луном.
Тени струтятся с вешок
по насыли, как по зербю...
А вот ли где процесс
и топик болот в резерве!

ТУРТАС — ТЮМЕНЬ — МОСКВА.

Мост через Ингаир

Уточненный, изысканный мост
изобрел ингаирский мост.
Минус поезд во весь опор
по плечам кружковых опор.
Это мост, покоящийся вверенный!
Но живой еще мостик временный,
и пона не возик красавец,
насыльных берегов нахасая,
по-над водами ингаирвоиним
этот мостик не игнорировали.
Микроскопы его исследили.
Все же худши так ли, как км...
Заглянула комиссия: «Как там!»
Старый мост запретила автом.
А по новому — путь без репсыво.
Все составы стоят без репсыво!

Доложен комитет комсомольский
расудадок про мосты про эти ж:
«До Туртаса и нам из Тобольска
ингаирский мост, не прошедший!»
Но новость — работа срочная:
уложить колена датустроичные.

Бригада Молозина

Солншица, день основная,
взлетает на ветки соснове.
Пора собираться всем!
ребятам на трасу — в сьмь.
Аккордный наряд приговетвен
для всех двадцати девяти.
Но голос забрига, Толин:
«Где ж ты, Молозин! Ведди!»
А он не ведет. Он в отступнени.
Не опоздал ли с усталю!
И Тоником Кондаковом
прораб на «уран» атаван:
«Отвечать не в самом деле:
куда бригадра денги!»
Прораб сказал, как отрезал:
«Остынь, бунтарь с баррикады!
Ваш Виктор приреще нетривалым.
Оставлен он от бригады».
У бровка — сарайчик рыной —
ключей и болтов обителы.
Молозин там ровнены с крышей
в смущенье ли ждет, а обиде ль!
Он старше почти на десять,
а опитнее на сорок.
Как сын, на него надейся
в несчастьях, тревогах, ссорах.
Учи он теплу на морозе,
презренье и и раво к яду...
«Тебе ль оскорбим, Молозин!
Иль ты осверненил бригаду!»

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

З

накомство с Игорем Киртбая состоялось в кабинете тогдашнего первого секретаря Тюменского обкома комсомола Геннадия Шмала. В кабинет спокойно, как домой, вошел человек, поразивший прежде всего неопределенностью своего возраста. Была на нем лихо заломленная шапка, из-под которой

смотрела на меня, когда он протянул сильную руку для пожатия, взглянули голубые глаза с завывающим, как у девочки, ресницами — белыми и длинными. Глаза казались маловатыми на полном лице, но чем-то поражали, и хотелось еще и еще раз заглянуть в них, наконец, рассмотреть, что же таится там, в их голубой глубине.

По тому, как радушно вышел навстречу гостю хозяин кабинета, было ясно, что они-то знакомы давно и хорошо. И связывают их те особые северные отношения, кои представляют собой прочный сплав необузданной деловитости и открытой личной дружбы, хорошей человеческой симпатии и объединенной заинтересованности в большом и важном деле.

— Игорь Киртбая, — представил секретарь, и без гордости добавил: — Коренной, по своей сути тюменец. Большой руководитель. Начальник «мехколонины четырнадцать»...

Титул нового знакомого прозвучал удивительно прозвучно, и я как-то плохо себе сразу представил, чем же занимается «большой руководитель». А тот произнес свои первые слова:

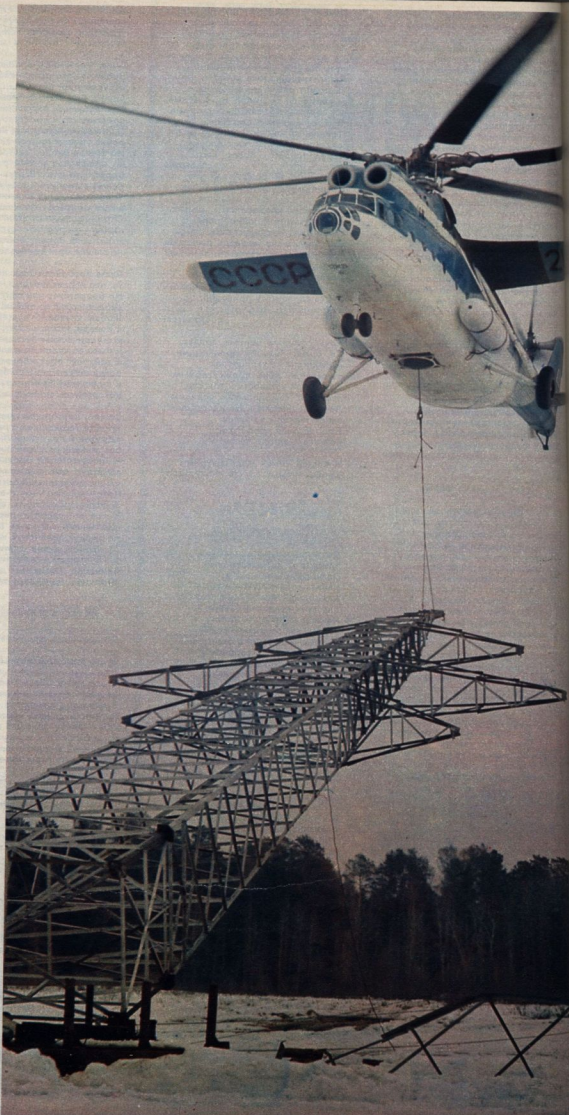
— Обменял. Четыре трактора на плавбаржу. Порядок.

В чем заключался смысл столь странного обмена, я так и не понял, но Шмаль одобительно кивнул головой, не скрывая, что суть обмена для него также понятна и важна.

Сколько раз потом мне ни доводилось бывать в Тюмени, сколько раз ни встречался с Игорем Киртбая, меня всегда поражала в нем это многогранное умение говорить с людьми, людьми порой незнакомыми, о делах общих. Игорь так легко и прочно устанавливал деловую связь, что казался со стороны человеку, его плохо знавшему, даже несколько легкомысленным. Однажды по странному стечению обстоятельств я не смог вы-

**ЕЩЕ МГНОВЕНИЕ — И ОПОРА СТАНЕТ
НА СВОЕ МЕСТО.**

ИГОРЬ КИРТБАЯ.

«ВОЛНА»

лететь своим самолетом в Москву. И он вдруг предложил лететь в обратную сторону, на север. Сургут, и что самое удивительное, я сразу же согласился. Тогда-то и сам познал истинную цену универсального делового контакта Игоря Киртыба.

Строителей нефтепровода кончили кислород: то ли вышел из строя мотор компрессора, и его надо было отправлять с трассы далеко в Свердловск, то ли еще что-то, однако десятки сварочных горелок перестали работать в немужской холодный хлам, потеряв свою великую способность «клевать» металлическое русло нефтяной реки, которой суждено вот-вот стремительно ринуться к заводам-потребителям.

Киртыба не был дома дней десять, но весь вечер по приезде провел за долгами, на хриплых или телефонными переговорами. Просил как-то «миль» развезать своих начальников, сохранив все очереди, повторить заказ... И все это променяв звонком местного значения, начинавшийся словами «Игорь Алексеевич, как быть...» и касавшийся собственных дел его большого и сложного хозяйства. Он выяснил, что у артезианцев, кто бы мог забросить кислород неликвизам на трассу, уточняя, где сам кислород и сколько его, а потом долго и безуспешно искал нерадивого снабженца с трассы, которому было поручено начальством принятие благодарную плату от энергетиков. Он делал это с такой настойчивостью и ответственностью, что, казалось, будто кислород был нужен не нефтяникам, а ему, Киртыба.

Когда так и не удалось договориться с вертолетчиками — не наша команда отряда, — он назавтра часа два колесил по разбросанному, запутанному Сургуту. Ванду предоставшего совещания вертолетчиков переселили из гостиницы куда-то в общежитие геологов. И там, добудившись наконец в уютное и заспанного командира отряда, он довел дело до конца.

Мы проматывали в тот день по объектам допоздна. И я остался по любезному приглашению хозяина ночевать у него, в его уютной и чистой комнате трехкомнатной квартире.

Я спал в гостини, на широком раскладном диване, но еще долго, глубоко за полночь, слыша телефонный звонок, проснулся, Игорь говорил по телефону. Мне по удивлению, что он вовсе и не ложился — продолжался один из тех последних ночных разговоров, из которого я почти ничего не понимал, будто речь шла незнакомом мне языке: Игорь общился со снабженцем спецификацию необходимых в первую очередь материалов. Короткие телефонные сообщения идут, как приправы, ко всем остальным делам, которыми он обычно занимается.

К семи часам у подъезда уже стоял экипаж с аккумулятом, до пунктуальности, Борей за рулем, и он покати в контору, где уже десятки людей ждали его решения. Он вломил в работу, что и в коридоре, отвечая на уважительные приветствия, задавая короткие, но для него очень важные вопросы. Я, знавший, как прошел минувший и вечер и ночь, с полным правом могу сказать, что Киртыба всегда на работе, даже когда дома.

Олодой инженер успешно заканчивал ижевский институт. Все складывалось лучше не придумаешь: хорошие знания, хорошие предложения остаются на работе едва ли не на самом Крещатине. Но характер оказался уже в самом начале самостоятельного инженерского пути.

Принято считать студенческие годы частью трудовой жизни только формально. С этим я никак не могу согласиться. Ибо откуда же тогда берутся столь яркие характеры молодых инженеров, подобно цветам, полевым и нарядным, украшающих сложную, многоконфликтную жизнь современного производства? Игорь Киртыба выбрал Казахстан. Он охал инженером на станцию испытания машин. Ехал долго, поемую успел вообразить себя чем-то средним между Эдисоном и Ньютоном, а на поверку все оказалось куда будничнее. Чтобы не сказать: горше. Станция — обнесённый полупрудушенным глиняным забором с несколькими не поддающимися ремонту машинами. И все. Нет, не все. Еще начальник испытательной станции, встретивший молодого инженера приблизительно так:

— Приехал? А чего приехал? Мест у меня нет. Пока распределили, считалось «было», а теперь занято. Да и работы нет. Что тебе делать? А почему у меня должна об этом бывать голова?

Но хоса нашла на меня... Молодой инженер оказался мастеровым. Он дошел до министра республики, а когда приехал заместитель союзного министра, переахваля его прямо в поле во время инспекционного визита и выговорив все, что ни пошло. Жалоба была непустошной: не дают работы.

Заместитель министра посмотрел косо на своего республиканского коллегу и осуждающе покачал головой:

— Ты там все недочеты нехваткой кадров объясняешь, а у тебя еще даже чужестранец дела бродят. О кадрах больше и не заминайся.

После такого оборота разговора и республиканского министру и ходить бы не следовало, но Игорь пошел. И добился. Правда, на станции его все-таки не оставили — определили в новый, только что организовывавшийся трест. Из всего сложного трестовского организма и было что пустые кабинеты, управляющий да главный бухгалтер. Двоем они держали совет, кем назначить «уважающую» себя кадрам.

— Главным инженером тебе рановато: годками да опытом не вышел, прости инженером — рановато: горластый болно, на первых порах старшим инженером в самый раз будет.

Хоть и не совсем по специальности был профиль работы в том тресте, а польза от нее оказалась немалая и, главное, и дальнейшей судьбе Киртыба удивительно подходящая. На глазах молодого инженера рождалась большой хозяйственный организм, и ему приключилось волеи-неволей принимать участие в решении проблем, которые и не входили в обязанности старшего инженера. И эта школа с лихвой казахстанским размахом потом отнюдь как пригодилась на Томщине.

Принято считать, что технические термины точные. Да так, собственно говоря, и должно быть. Подобное усугубляется лирико и широкой производственной сфере. А вот понятие «мехколонна четырнадцать» куда чем не определен-

ное. Особенно для человека стороннего. Люди, работающие в мехколонне и привыкшие к устойчивому понятию, просто не обращают внимания на название, поскольку важно для них не название, а люди, за ним стоящие, то есть товарищи свои, и работа, которой вместе занимаются.

За термином «мехколонна» воображение невольно рисует пыльную дорогу по которой движется более или менее длинная цепочка различных транспортных средств. У кого воображение побогаче — у того и дорога окажется подлиннее и машин побольше. На самом деле «мехколонна четырнадцать» — это огромное производственное объединение в большом томском хозяйстве, подобно тесту, растущему на дорожках нефтегазовых разработок.

Но чтобы добыть из-под земли эти богатства, не обойтись без великого труда нашего времени — электричества. И плещут по томской земле бичевые полосы бесконечных «плавов» и «плавиков», несся киловатты, вращающие буры на вышках, моторы перегонных подстанций, освещающие человека-труженика в далеко не конфектных условиях Сургути или Надыма.

Раскинулось хозяйство Киртыба почти на полторы тысячи километров в округе. Некоторые европейские государства дадут фору, что сейчас модно, с территории киртыбского хозяйства прости стидно.

Сотни людей, сотни единиц всевозможной техники движутся по непролазным болотам, бездорожьям, зыбким дорогам, сугробам и ледяным завалам, продвигая огромный годовой объем работы, исчисляемый в двадцать два миллиона рублей. И каждый рубль надо учесть. Учесть, не переложив костью на счетчик, а определить, где выгоднее тысячу бунзуть, чтобы на две тысячи больше толку было. И в каждом расчете учесть неучитаемые сюрпризы щедрой на богатство и скупой на их отдачу томской земли.

Ванкинский Еган — участок как участок. Прошли его споры и конулись через пойму семь мощных опор с проводами, как бы пролонгировав асу ямбу от горнозавалы, продвывая огромный годовой объем работы, исчисляемый в двадцать два миллиона рублей. И в голову не могло прийти никому, что немалое седьмо прибавит

начальнику мехколонны этот самый Ванкинский Еган...

Весной, когда разливается все реки и ручьиши и разливы, кажется, соединяют в одну беспредельную водную мозаику асу ямбу от горнозавалы, средь белых класк еще не раставших в затененных низинах снежных наметей, тогда и Ванкинский Еган превращается в мелкое широкоречье, над которым, кокетливо приподняв подолом, бесстрашно стоят на опорах-кабулках соророматровые красавицы мачты.

Но беда потону и беда, что приходит неожиданно и совсем не оттуда, откуда можно было предположить, если бы только и миг человек в вечном тревожном ожидании асскески беда. Сделав монотонки свое дело и ушли на другую линию. И так побужал по провадам, и бежать бы ему

НА САЛЫМСКО

Александр ПРОХАНОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

От мороза вертолет хрустит в шпангоутах, стиснутый твердым воздухом. Савозь: полшубок чувствую жгучий металл обшивки. Вахта дремлет; бие на глаза мохнатые шапки. Собака скулит и жмется. Катается обледенелое, с победитовыми зубьями долото. В зрачке иллюминатора белая, бесконечная река, застывшие корки болот, грибы сосняков и осинников. «Зимник» скользнул под винтами с бусинами машин. Там шоферы с покрасневшими от бессоницы глазами вцепились в баранки, рвут сцепления, пробираясь к Сургуту. Ледяной, сжатый холодом мир. Под белой оболочкой снегов глубокие резервуары земли,

полные нефти и газа, протоки с горячей, термальной водой. Вечерняя земля, как ягода, полная соков. Мы летим над ней в треске мотора.

Нависшем над буровой. Снег в потехах дилейной гари. Люди, переплывающие солонкой, бегут под винты. Вахты меняются. Твердые, заиндевевшие роботы. Растресканные от мороза лица. Пар из дышащих ртов.

Вертолет взмывает. Связки железных труб, угоднички, бульдозер, все красное от зарн уходит вниз, в сторону. Снова летим над жилими белых рек, пузырями ледных озер. Куда?

Если вычертить пленки уходящих от буровых вертолетов, они пересекутся над берегом Иртыша, где два десятка рубленых двухэтажных до-

И ШИПРОТЕ

мов, обшитых тесом и шифером, образуют поселок Горнопривадский. Он не таится с Сургутом, Нефтегаганском, Нижнеавтортовским. Те стоят на открытых нефтеносных пластах, подолочены к гигантской индустрии страны, испытывают на себе мощный напор и давление, строятся, разрастаются, насыщаются техникой, людскими потоками, электроэнергией.

Горнопривадский — местообитание экспедиции, только знающей изыскания нефти. Тут ее скромнее, тише. И тем доступнее наблюдать, чем и как берется сегодня тюменская нефть, как устроился человек на эти топки и льдах, кто исследует эту Сальмскую площадь, надеясь открыть здесь второй Самолетор.

Вертолет, выходя из зари, идет над синими елками, над розовыми дымами поселка. Окна домов, как прожекторы, лижут его короткими вспышками.

С чего начать рассказ о поселке..

Круглая рекламная тумба на краю тротуара, та, что наводит на мысль о старой Москве.

С равной проходит колонна оранжевых «тапир». Надпись на кузове: «Перегон. Нижнеавтортский». Огромного роста вертолетчик в сабоных унтах, шуршащий от снежной пыли, продолжает читать у тумбы: «Сегодня в кафе «Салым» выставка-распродажа кулинарных изделий».

Кафе обшито золотистой деревянной чешуей.

Шоферы, не выключая на морозе двигателей, вылезают из кабин вездеходов, заходят в «Салым» обогреться, похлебать горячего, купить папирос, и влить — на мороз, к урчащим «КрАЗам» и «МАЗам», гнать их дальше, на север, добрых четыре сотни километров.

Сейчас на крыльце — толпа. Румяные щечки, льняные шапки, платки. Дверь распахнулась, и толпа завала, завала, растаскивая перед длинными, под белой скатертью столами. Перед грудыми снеди. Маринады, соленья, заливное. Фаршированная рыба, печеное мясо, шашлык, чебуреки. Белые колпаки кулинаров. Сибирский румянец, шутки. Слышится в сумки ватушки, шанги с брусничкой. Выплавляют торты с кремлем, пироги в оплетках. Дети жуят сладости, улетают в торожники, жаворонки. Выставка разбирается, а с кухни прибывают новые противни, груженные пирогами и шашлыками.

Молодой кулинар Лида Боборино вместе с тридцатью подружками два дня не отходила от раскаленных газовых плит, создавая эти замки из теста и крема, посылая их изюмом, ореком. Теперь, говоря со мной, она ревниво смотрит, как выносят из мороза ее торты.

— У нас профессия поварами ценится так же, как и бурйльница. Мы-то ведь понимаем, что человеку, прилетевшему с буровой, после десятидневной вахты, из болот, измершему, увидеть дома стол с этой снедью — радость! Вот мы тут и выдумываем все новые изделия, стараемся угодить. Сегодня я, к примеру, пишу эти противни, засыпаю в них ваниль и корицу, а завтра их в вертолет, и на дальнюю буровую. Утром просыпаюсь и — на часы. Пять утра! Бегом сюда, надо, что уже согрелась машина. Шоферы после ночной гонки ждут, когда огонь в столовой зажжется. И спешить накормить их. Мы смеемся, называем нашу столовую — кормча у дороги. Кого тут только не перивидчик! Северянин не должен чувствовать, что он в закулевье, заброшен. Вот мы и сидим над поварами книгами, изучаем рецепты русской, восточной кухни. А в результате получается салымский стол!

Она убегает в жар раскаленных плит, несет через минуту поднос с румяными пивничками ватушками. И вечером, на морозных унтах, цинкофер, оторвав от баранки руку, загустит ее за обшлаг полушубка, вытаскив поливную ватушку, усмехнется, вспомнив расплавленное девичье лицо, белоснежный колпак над плитой..

Теплицы в сугробах. Заходясь с мороза, и влажная грязь, теплота. На черной живой земле — огурчаные плети, рыжие звезды цветов. Агроном Юлия Медведьева Белова опускает над рассадой люминесцентные светильники.

— И человек, прибывший сюда, проходит адаптацию, и эти сорта. Поначалу, когда приехала, привезла с собой саженца яблон, слив. Разбили сады, все прижилось. А зимой — морозы пятьдесят градусов, все померзло. Первое поражение! Заложили теплицы. Да как же их не заложить! Нефть под руками — топи. Обогреть магистраль — списанные с буровой трубы. И в апреле у нас на столах свежие овощи. Не надо гнать из Крыма самолеты.

Она опускает к растениям люминесцентные трубки, и я думаю: ее продвижение по земле отмечено этими хрупкими голубыми кристаллами, желтыми звездами соцветиями..

«Тюменская нефть» переживает сейчас новый этап, связанный с созданием разветвленной индустриального комплекса, территориально-промышленного комплекса, в котором недра вовлекаются в сложную энергетическую структуру, связанную с подобными же в других областях страны. На первую, эфемерную планку цивилизации, оставленную землероходами, ложится второй, прочный слой: бетонные корки аэродромов и трасс, стальные жилы нефтепроводов, линии электропередач, заводы и порты, современные комфортабельные поселения. Обско-нефтянская пойма — гигантский баллон нефти и газа, колоссальный резервуар пресной воды — входит мощным компонентом в процесс сегодняшней цивилизации. У нас разрабатываются проекты переброски обской воды в Араг, в среднеазиатские степи. Исследуются запасы океана подземных горячих вод. Начато превращение обской поймы в небывалую по обшлю кормовую базу. Нефть по трубам уйдет на Дальний Восток, танкерами полпынет в Японию. Другая нить устремится на запад, до Рейна. На эти льды и болота рождается цивилизация будущего, и ее веки намечены уже сейчас.

Я думаю об этом, слушаю, как гудят проходящие черные поезда, как стучат вагоны фарам. Будто идет развитие гигантской страт-

гической операции, и техника валом движется к месту сражения. Вертолетчики в Баре гостиницы прислушываются, как тихо дрожат от этого гула полированные панели, позванивает на стенах медная, с тонким рисунком чеканка...

Заместитель начальника экспедиции по кадрам Павел Николаевич Березуцкий согласен, что текущее здесь, на нефти, все еще велика и работе от этого мало пользы.

— Есть, понимаете, какая-то особая порода людей Неуменные, что ли! Его спрашиваешь: ну чего ты носишься взад-перед от Владивостока до Динсого, чего ты никак не уймешься! Один тебе объясняет, что его в тепло потянуло, на юг. Другой, наоборот,— на север, где охота кореша. Третий — за заработком, четвертый — от каких-то там разочарований семейных. А пятый и объяснить не может: только подзаработал мала-мала, все деньги на самолетный билет — и на новое место. Конечно, дело это во многом не выяснено, но я считаю: чтобы эту текущую пресечь, надо создать здесь такие условия, как и на заводе. Чтоб человек приехал и сказал: остаюсь! Есть все, что мне надо! Есть, где заработать, и есть, где деньги эти потратить,—магазины, товары. Есть морозы и железо расклеванное, но есть и квартиры, комфорт, отдых и развлечения. Вот почему мы с самого начала сделали наш поселок на самом высоком, доступном нам уровне. Вот почему у нас твердый костяк людей, считающих Горноправдинск коренным домом.

В самом деле, прав Березуцкий. Поговорите с горноправдинцем о поселке, и услышите, что такого спорткомплекса поискать по другим экспедициям. Красоте домов, планировке Сургут позавидуют. Во Даворце культуры и столичные артисты выступают с удовольствием. Вам покажут детский сад с расписными конями и ручную медведицу Машу, которая так и не смогла залечь на зимнюю спячку,— псы бегают по всему поселку, воют, скулят, не дают подорвать «человеку».

Вас сведут к развалинам старой церкви на бере, расскажут об избушках бывшего Горноправдинска и уж непременно, о чем бы ни зашел разговор, выведут его на Салманова.

Вы услышите из уст словоохотливых очевидцев, как кружил вертолет Салманова над этими равнинами, и начальник экспедиции сам выбирал место для будущего поселка, и ему понравился этот крутой мыс над Иртышом, уставленный синими елками. Сюда вслед за прошедшим льдом причалил первый караван людей, и люди дни и ночи своими руками, вместе с Салмановым валили деревья, пилили доски, ставили золотистые срубы, шпировали каждую планку для отделки. Вам покажут «еловый остров», сохранившийся посреди поселка. Поведают, как бился за него Салманов, вступил с пожаришками, требовавшими, чтобы елки сплюснули. Отстоял — и лет через двадцать, когда тут будут вытесны здания из стекла и бетона, все останется «салмановским» синие елки. Вы услышите, как строили спортивный комплекс, Салма-

нов сам работал с мастерком и пилой и прямо отсюда, со стройки, руководил экспедицией, подписывая приказы, рассылая телеграммы.

Здесь о Салманове, работающем ныне в Тюмени, сложены мифы и анекдоты. Для тех, кто уже не застал его в поселке, он мифическое существо. Старожил, усмехаясь, расскажет новичку, как Салманов, прослышав первым, носился по улицам, изгоняя коров, забредших на разбитые цветники.

И, заслушавшись этих рассказов, вы подумаете, что Салманов не случайно был открывателем тюменской нефти, не случайно именно ему отворились топи и ударил фонтан. Только с такой энергией и одержимостью можно было сюда прийти, влезая в мерзлоту, распотеть ее теплом своей жизни...

Интересную мысль я услышал от главного врача горноправдинской больницы Нелли Тимофеевны Новиковой:

— Наша больница, наши врачи лечат не только жителей поселка, на вертолетах летают не только на буровые. Мы контролируем всю территорию на сотни километров вокруг, охрестные деревни и села. То же можно сказать и о нашей школе, магазинах. Наш приход сюда складся на всем культурно-бытовом уровне местного населения. Мы его развоз посылками.

В самом деле, думаю я, появление здесь такого количества энергичных, деятельных людей, устроивших свою жизнь по небывало высокому для этих мест стандарту, должно мощно влиять на окрестности, демонстрировать ей высокий образец культуры. Я видел крестьянских детей, живущих здесь в интернате. Жители ближних сел, приехавших в магазин купить «Спидолу». Местные артисты-правдинцы грузили в вертолет свой контрабас, электрогитары и усилители, отправляясь в турне по соседним колхозам.

А год назад, когда бурный иртышский паводок затопил все пойму, и села оказались под водой, и коровы стадами плавали в ледяном разливе, и люди сновали по улицам, тыкаясь в стези крыш, вся горноправдинская экспедиция ринулась на помощь соседям. Дни и ночи вносила катера, вездеходы, амфибии. Вертолеты с криш снимали детей. И когда был брошен клич по поселку, взяв в свои семьи по одному ребенку на время, пока не схлынет паводок, и катер с детьми поплыл к Горноправдинску, все берег был полон женщин, все спорили за право принять у себя ребенка...

Завтра — снова вагончик на вертолетной площадке, весь прокурен, в дыму, полон галдящих, в робах, мужички. Вертолеты разбросают ватты по морозной тайге. А сегодня — воскресный день. Я сижу в квартире молодого геолога Игоря Гураря. Его жена Оксана загладила высокую, из розового цвета свечу, вставленную в деревянный подсвечник, выключила верхний свет. Медвежья шкура на стене серебрится жестким ворсом. Я слушаю хозяина:

— Так получилось, что я третий раз приез-

ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСУГА МОЛОДЕЖИ.

НА БЕСПЕШЬЕ ГОРНОПРАВДИНЦЫ ЖАЛОВАТЬСЯ НЕ МОГУТ.

В КЛУБЕ «ГЕОЛОГ» ГОТОВЯТСЯ К СПЕКТАКЛЮ.

МОЛОДЫЕ СЕВЕРЯНЕ — МУЖ И ЖЕНА ГУРАРА

У ИНЫИ ОГЛЕЗЕВОЙ ОЧЕНЬ НУЖНА ПРОФЕССИЯ — ОНА ПОВАР.

заво в эти места. Сначала мальчишкой, в школьные каникулы, вместе с геологической партией изд. Был и в Нижнеартковском и в Александровском, тогда еще только строили догадки, есть нефть или нету. Снимались первые карты. Во второй раз — в самый разгар нефтяной лихорадки, к Салманову. Проходил дипломную практику. И так мне Гариоправдинс понравился, что по распределению приехал сюда работать.

Я его слушаю, знаю, что «Сальмская площадь» — тема его диссертации и каждый полет из бюрошу, каждый час камеральных работ ложится фрагментом в исследование. Салым — не массовый случай. Обычно нефть залегают в мягких песчанниках. А тут твердые аргилиты, метаморфизм таится в прочных каменных мешках. Описать его, найти его признаки, привести

в систему, классифицировать — тут хватит материала и для докторской.

— Мы-то уверены: нефть здесь присутствует. У нас есть такое понятие: вера в площадь. Это не мистическое чувство, а интуиция, связанная с опытом и теорией. Так и Салманов в свое время «верил».

Они приехали сюда с женой из Москвы, и, конечно, контраст был велик. Особенно тосковали первое время по оставленным друзьям, по вечерним прогулкам. Вначале все было непросто, но работа, любимое дело компенсирует многое.

— Ведь в нашей профессии молодой ученый здесь, «в поле», формируется в три раза быстрее, чем в «академической» обстановке. Там он поневоле третью скрипка. Он не в состоянии отстаивать свою точку зрения не только потому, что не добивается права на это: просто у него

еще нет этой точки зрения. Добрых патштадлер лет уходит на то, чтобы обрести ее в кабинетах. Я привязан в Москву и товарищам и чувствую свой рост по сравнению с ними. Салым и полт и кормит. Я приобретаю здесь профессиональный потенциал на всю жизнь.

Он объясняет мне, в чем сложные тонкости местной жизни, с чем приходится особо считаться. Местный мир узок, число связей ограничено поневоле. Все на виду друг у друга. И если эти связи со знакомыми, близкими вдруг порываются, завязать новые почти невозможно: это не крупный город, где всегда найдешь компенсацию. Поэтому человеческими отношениями надо здесь дорожить. Уметь сдержаться, простить. А это непросто — переутомился, раздражен и сорвался.

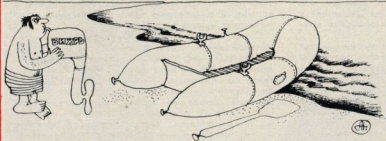
— Постоянно приходится себя контролировать, следить за своим духовным и психическим тонусом. Успеть уследить за потоком информации, читать. Заниматься спортом. Постоянная самодисциплина. Не утратить чувства цели, чувства своей сверхзадачи. Это очень существенно. Бывают такие моменты, безымянные, с трудом выраженные, когда весь дух твой собирается в фокус. В нем такое знание о прошлом и будущем, о всех этих людях. Ты их любишь в своем просветлении, хочешь сделать им большое добро. Может, ради этих моментов и живем — ищем нефть, гоним ее за тысячами километров в стальных оболочках, сжигаем, чтобы испытать вот такое?

Свеча оттекает в подсвечнике. Серебрится на стене медвежья шкура...

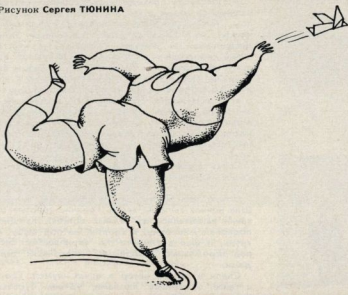
Ночью, идя по поселку, я забрел на пекарню. Шла ночная выпечка хлеба. Горячие золотые булочки высыпались из темных лотков. Женщины подарили мне одну, и спрятал ее под шубу, на грудь, и шел в темноте по скрипящему снегу под огромными, северными, морозными звездами.

Спали в домах, ветер в елках шумел. Где-то в тайге, озаренные лампами, урчали буровые. Буханка хлеба дышала у меня на груди, грела. В ней таилось тепло полях с молодой зеленоющей ромью, труд неизвестных людей. И издалась, земля погружается в этот чистый ржаной аромат, как в непрерывную, бесконечную жизнь.

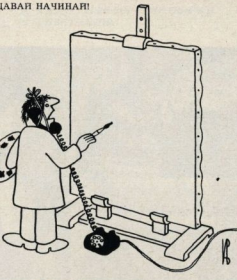

Рисунки Сергея ТЮННА

— ДАВАЙ НАЧИНАЙ!

Рисунки: Инночка КАЛУГИНА

Рисунки: Игорь ВОРОБЬЕВА

Евгений ШАТЬКО

РАСТИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Моя жена, мой брат и я с рюкзачками за спиной углубились в лес.

— С этой секунды мы начинаем здоровую растительную жизнь! — объявила нам жена. — Мы перейдем на подмошное, оздоравливающее меню. Вот что ты жуешь, враг своей печени! — вдруг спросила она меня.

— Бутерброд.
— С чем, Самовубийца?
— С этой... с колбасой.
— Мясо — это отравы! Ты медленно убиваешь себя этой колбасой. Дожуй и больше не откусывай.
Я послушно спиртал бутерброд в нарзаны.

По дороге жена собрала ших, крапиву, лопухи и говорила:

— Зеленый стел берет вам здоровье. Вот Елена Карловна за лето обела весь свой дачный участок до стволов, и теперь у нее здоровый, природный цвет лица.
Зеленый, — пояснил я брату.
На прилавке, когда жена засыпала в котел крапиву, брат незаметно склеил ружье, подмигнул мне и сказал ей:

— Мы прогуляемся на озеро, поцелуем сахарный тростник... и чаю.

Мы отошли и быстро поползли в намыши, откуда доносилось утиное ириканье.

— Вот она плавает, отравал! — сказал брат и прицелился.
Тут же моя жена выросла у меня за спиной и заявила:

— Выбирайте я или утият!
Брат смутился и, чтобы заслужить прощание, съел пару намашинок.
За обедом, когда мы принажились за жарко из крапивы, жена сказала:
— Зеленая диета излечит вас и даст нужные витамины, мои очки, вырванкался по-научному. Две-три охланил свежего ооста — это 21 очко! На 6 очков больше, чем в шашлыке из молодого барашка на вертеле. Несильно веток целебной хвои переимрывают порцию жареной грудки.
А как пережарить утну с иблоннани? — спросил брат.

— Добавь в хвою несколько шишек.

После обеда мы прошли километров 20 и вечером, шатаясь от избытка налорий, поставили шашлы из молодых олочек.

Я пошел за осотом для постели, а нога вернулась, брат уже съел половину целебного шашлыка. Тогда я тут же расправился с осотом. Меня пришлошь в одиночестве съесть утин в 49 очков — котлеты из мяса и компот из березовых почек.

Наутро мы с братом позавтракали остатками шашлыка и двинулись дальше. В этот день мы вообще обогались без горничного. Жена пощипала ландшафт на лукавине, даме собрала бунет очков в 18 — на утин.

Я тоже часа два собирал очки — пасся на берегу ручья. Потом вместе

с утками стал нырять за налорийными морещавыми линияй.

Брат залез на большую лечебную сосну, обел ее сверху до половины набрав 101 очко и заснул в дупле.

Через месяц здоровая целебная очковая жизнь мы вернулись в город. Здесь начались мучения. Район у нас слабо озелененный — кругом одни сосновые и шашлычные...

Недавно я шел по улице. Вдруг и молодых поскод выскочил брат веткой в зубах.

— Тутго стало с целебными налорями, — сказал он, — сплошной надел брат. Дворники из северов гонимт. Я уни Дова всею колленицию наутусе съел. Теперь у меня венна не допросишь. Сейчас побегу на обел в парк культуры. Науемы там ест хоршие, и сторож дадено.

Я посмотрел на брата. Цвет лица него был здоровый, природный — зеленый. И предломили:

— Може, возьмем по пирожку мясом?

Брат пончал головой и отказался:

— Боюсь втнушить, — пояснил он. Тогда мы пошлели и цветочном ларьку и взяли порцию-вишмозы и двоек.

ПАТЮША

Слова Михаила ИСАКОВСКОГО
Музыка Матвея БЛАНТЕРА

Бред ли можно найти советского поэта, в сердце которого не найдется бы отклик задумываемые слова и тонкая «Патюша». Еще в конце 30-х она она стала одной из самых любимых массовых песен. А в годы Великой Отечественной войны появились десятки вариантов «Патюши», в которых героиня песни шла на бой вместе со всем советским народом. Недаром ее именем окрестили грозную, наводившую ужас на врага оружие — реактивные минометы. Эта песня и у наших друзей за рубежом. У итальянских партизан, например, она стала боевым гимном. И в наши дни во многих странах мира поют «Патюшу».

В чем же секрет необыкновенной восторженной и долголетия песни? Дни из ее авторов, поэт Михаил Исаковский, как бы отвечая на этот вопрос, сказал: «...О любви в разное эпохи писали по-разному. Нужно, чтобы ты называемые в е ч и м е т е м я м чувств по-современному, чтобы и в любовной песне ощущалось дыхание времени, запечатлевались стремления и помыслы, мораль и этика, характер и строй речи советского человека». Именно такой песней и стала «Патюша».

**Расцветали яблонь и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.**

**Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.**

**Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за жюныи солнцем вперед
И бойца на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.**

**Пусть он вспомнит девушку
Простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он забыло бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.**

**Расцветали яблонь и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.**

Составил А. ПАНАЕВ
с. Сулей, Молдавской ССР

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Столица государства, расположенного в Азии и Европе.
4. Персонаж комедии П. Бомарше «Севильский цирюльник».
7. Действующее лицо романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта».
8. Показатель размера выработок в единицу времени.
10. Искусство театрального танца.
12. Водное растение.
13. Широкий пояс из тундры.
14. Голландский живописец XVII века.
16. Горная система на юге Советского Союза.
18. Геометрическое тело.
20. Имяное семейство дельфиновых.
22. Горы с кратером на вершине.
23. Исключительный ролей на сцене.
25. Выдающийся способности, одаренность.
27. Утес.
28. Южное декоративное растение.
31. Отрасль народного хозяйства.
34. Государство на севере Африки.
36. Минерал, двоящимся именем.
37. Слова и музыкальному произведению.
38. Курорт на Балтийском побережье.
39. Музыкальная фантазия на народные темы.
40. Земляное сооружение, возвышение.
41. Расказ А. П. Чехова.

По вертикали:

1. Город на северо-востоке Польши.
2. Счетная таблица, основа для вычисления.
3. Книга для стихов, фотографий, иллюстраций почтовых марок.
4. Вертикальная струя жидкости.
5. Административно-территориальная единица в Монгольской Народной Республике.
6. Пристань на озере Селенгер.
7. Галерея перед входом в здание, образующая колоннаду.
8. Здание железнодорожной станции.
11. Действующее лицо романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
14. Ионичный иот.
15. Спортсмен.
17. Процесс герметичной обработки металлов.
18. Помещение в школе для учебных занятий.
19. Молдавский народный танец.
21. Руда для добычи титана.
24. Пушной зверь.
25. Острый предмет, деталь крыла самолета.
29. Государство на севере Европы.
30. Южное декоративное дерево, кустарник.
32. Формы социалистического колхозного хозяйства.
33. Город в Пензенской области.
35. Остров в Эгейском море.
36. Древняя столица мифов на юге Перу.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 18

По горизонтали:

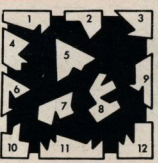
5. Дарованье.
8. Дельта.
9. Нитрол.
12. Доцент.
13. Гудрон.
14. Памир.
16. Истима.
18. Игуасы.
19. Польшмер.
22. Окулик.
23. Рыцарь.
24. Спорт.
27. Донник.
28. Молния.
29. Иволга.
31. Иллита.
33. «Ведомости».

По вертикали:

1. Таль.
2. Ромашка.
3. «Дачники».
4. Лист.
6. Деление.
7. Нондаун.
10. Конструктор.
11. Тоспобобин.
15. Монисто.
17. Ампер.
18. Игрек.
20. Уланова.
21. Шпилька.
25. Пузанов.
28. Рисунок.
30. Лыж.
32. Итла.

1. Нарисуйте фигуру, одной непрерывной линией, не отрывая карандаша от бумаги и не проводя ни дважды по одной и той же линии.
2. Из данных двенадцати элементов сложите четыре геометрические фигуры: квадрат, треугольник, прямоугольник и трапецию.

3. Данную фигуру разделите тремя прямыми линиями на две одинаковые части.

СМЕНА

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

